

Анна А. Маркова Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9307608

Святитель Игнатий (Брянчанинов) / Сост. Маркова А. А.: Благовест; Москва; 2014

ISBN 978-5-9968-0342-2

Аннотация

Святитель Игнатий (Брянчанинов) является одним из самых почитаемых наставников в духовной жизни. Творения святителя Игнатия настолько многообразны, что его поучения и духовные советы актуальны для всех – и для мирян и для монахов.

Данный сборник включает в себя жизнеописание святителя Игнатия и историю его почитания и прославления. Помимо этого, читателям предоставляется возможность посмотреть на святителя Игнатия глазами тех, кто знал его и оставил воспоминания об этой выдающейся личности. Еще одна важная часть сборника – это рассказ о трех обителях, непосредственно связанных со святителем Игнатием: Троице-Сергиевой пустыни, Николо-Бабаевском и Толгском монастырях. Также в сборнике представлены наставления святителя относительно разных вопросов христианской жизни и молитвы святому.

Книга адресована широкому кругу православных читателей.

Содержание

Предисловие	5
Житие святителя Игнатия	6
Род Брянчаниновых. Рождение будущего святителя	6
Детство в родительском доме	7
Учеба в Петербурге	9
Военная служба	12
Отставка. Начало послушничества	14
Скитания по обителям	16
Монашеский постриг	19
Служение в Вологодской епархии	21
Перевод в Сергиеву Пустынь	23
Служение в Санкт-Петербургской епархии: труды и искушения	28
Прощение об удалении на покой: отпуск и возвращение в Сергиеву пустынь	30
Архиерейская хиротония	31
Деятельность святителя на Кавказе	32
Полемика с А.И. Герценом	34
Удаление на покой в Николо-Бабаевскую обитель	35
Последние годы	37
Кончина святителя Игнатия	38
Прославление и обретение мощей святителя Игнатия	39
Явление епископа Игнатия А.В. Жандр, на 20-й день по кончине его, 1867 года 19 мая	40
Игумен Борис (Долженко) об обретении мощей святителя Игнатия (Брянчанинова)	43
Свято-Троицкая Сергиева пустынь	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

© Издательство «Благовест» – текст, оформление, оригинал-макет, 2014

* * *

Предисловие

В настоящее время святитель Игнатий (Брянчанинов) является одним из самых почитаемых наставников в духовной жизни. Творения святителя Игнатия настолько многообразны, что его поучения и духовные советы актуальны для всех – и для мирян, и для монахов.

Но не менее, чем его творения, поучительна и сама жизнь святителя Игнатия. Это история человека, стремящегося к Богу, несмотря на все препоны и соблазны, расставленные ему миром. Он прошел путь от монастырского послушника до настоятеля обители, а затем и архиерея. Причем для своих подчиненных святитель Игнатий был не только администратором, но и духоносным старцем. Он продолжает оставаться таковым для всех тех, кто хоть как-то соприкасался с его творениями.

Данный сборник предназначен для широкого круга читателей. Он включает в себя достаточно полное жизнеописание святителя Игнатия, историю его почитания и прославления. Помимо этого читателям предоставляется возможность посмотреть на святителя Игнатия глазами тех, кто знал его и оставил воспоминания об этой выдающейся личности. Значение святителя Игнатия и его творений раскрывается в отзывах о нем священнослужителей и богословов, чьи суждения представлены в одном из приложений. Еще одна важная часть сборника – рассказ о трех обителях, непосредственно связанных со святителем Игнатием: Троице-Сергиевой пустыни, Николо-Бабаевском и Толгском монастырях. И, конечно, никакой рассказ о святителе Игнатии не был бы полным без обращения к его творениям. Поэтому в сборнике представлены мысли святителя относительно разных вопросов христианской жизни. Молитвенный раздел включает в себя акафист и молитвы святителю Игнатию.

Анна Маркова

Житие святителя Игнатия

Род Брянчаниновых. Рождение будущего святителя

Будущий святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) происходил из древнего дворянского рода. Родоначальником его считался боярин Михаил Бренко – оруженосец великого князя Дмитрия Донского.

Отец святителя, Александр Семенович Брянчанинов, паж времен императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича, был предводителем дворянства в родном Грязовецком уезде Вологодской губернии, пользовался всеобщим уважением и слыл передовым образованным помещиком. Мать, Софья Афанасьевна Брянчанинова, была очень красивой светской женщиной. Она получила прекрасное воспитание – отлично владела русским и французским языками, увлекалась поэзией, особенно французской.

Поженившись достаточно рано по тем временам, супруги Брянчаниновы вскоре вынуждены были оставить столицу и переехать на постоянное жительство в родную Вологодскую губернию. Это произошло в связи с тем, что Александр Семенович унаследовал от отца поместье, обремененное долгами. Он вынужден был уйти в отставку и заняться хозяйством.

Александр Семенович оказался очень успешным помещиком, всего через несколько лет он не только очистил поместье от долгов, но и стал получать от него значительный доход, благодаря которому в своем селе Покровском Брянчанинов «создал маленький Версаль с замком-домом, царственным садом и изящной церковью». Но несмотря на все это великолепие и взаимное согласие, первые годы брака Брянчаниновых были омрачены сначала смертью новорожденных близнецов, а затем и долгой бездетностью.

Скорбя об этом, супруги Брянчаниновы обратились к Богу, предприняв паломничество по окрестным святым местам: Свято-Духовскому, Глушицкому, Лопотову, Прилуцкому монастырям. Бог услышал их молитвы, и 5 февраля 1807 года у них родился сын, в святом крещении названный Дмитрием – в честь преподобного Димитрия Прилуцкого, одного из самых почитаемых Вологодских святых. Впоследствии у супругов Брянчаниновых родилось еще шестнадцать детей, из которых выжили девять.

Детство в родительском доме

Детские годы, проведенные будущим святителем в родительском доме, нельзя назвать счастливыми. Как писал впоследствии он сам: «Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел, кому открыть моего сердца: начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии; но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвой и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним юношей, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков».

В семье Брянчаниновых царил строгий, даже суровый строй жизни, регламентируемый отцом, железной воле которого никто не смел прекословить. Дети настолько боялись отца, что в его присутствии не решались высказывать самые безобидные пожелания. Само проявление к детям любви считалось недостойной слабостью, розги не щадили ни старших, ни младших. За поведением детей тщательно наблюдали и каждый день докладывали Александру Семеновичу.

Особенно строго за мальчиками следил приставленный к ним дядька Доримедонт. Он любил своих баричей, но из чувства справедливости и честности всегда докладывал хозяину о любом проступке детей. Единственным человеком, жалевшим детей, была няня Евфимовна. Ради них она была готова жертвовать собой. Так, в доме Брянчаниновых, согласно порядку, заведенному Александром Семеновичем, детей по утрам держали впроголодь. И няня, рискуя подвергнуться барскому гневу, приносила детям ломтики черного хлеба, взятые на кухне якобы для себя. До конца дней своих и святитель Игнатий, и его братья, и сестры вспоминали няню Евфимовну с благодарностью.

Как старший ребенок в семье, Митенька так будущего святителя называли дома, пользовался непререкаемым авторитетом у братьев и сестер. Этому способствовал и его характер. Уже в детские годы он отличался большой серьезностью. Как вспоминал впоследствии его брат Петр Александрович, Митенька никогда не участвовал в общих детских шалостях и никогда, даже в шутку, не лгал. Он был внимателен и приветлив со всеми, старался заботиться о младших и беспрекословно слушался родителей, даже тогда, когда послушание могло сильно ему повредить.

Так, известен случай, когда Митенька вместе с отцом купался в речке и от продолжительного пребывания в воде так замерз, что дрожал всем телом. Но даже в таком состоянии он не посмел выйти из речки прежде отца, и даже не дерзнул испросить у него на то дозволения. Из-за этого Митенька сильно простудился и впоследствии всю жизнь был очень чувствителен к холоду.

Большое внимание в семействе Брянчаниновых уделялось образованию. Ежедневно лихая тройка привозила из Вологды и отвозила обратно лучших учителей семинарии и гимназии. Кроме общеобразовательных наук детям преподавали музыку, живопись, особое внимание уделялось языкам благодаря такому домашнему преподаванию святитель Игнатий в совершенстве овладел французским, немецким, итальянским языками, а также латынью и древнегреческим.

Вообще Митенька отличался и даровитостью, и усердием в учебе. Как старший брат, он помогал и младшим в их учебных занятиях. Помогал он им и советами в житейских делах. Однако самому ему не с кем было посоветоваться, некому открыть душу.

Рано начав размышлять над многими явлениями окружающей его жизни, Митенька не смог найти в родительском доме собеседников, готовых разделить его мысли. Это привело

к тому, что он стал стремиться к уединению, проводя много времени на природе. По воспоминаниям родственников, «он любил природу какой-то особенной, недетской любовью и находил удовлетворение в общении с нею».

Так в родительском доме прошли первые пятнадцать лет жизни Дмитрия Брянчанинова.

Учеба в Петербурге

В конце лета 1822 года Александр Семенович Брянчанинов повез своего старшего сына в Санкт-Петербург, чтобы определить его в Военное инженерное училище. Дмитрию Брянчанинову в то время шел шестнадцатый год. Впоследствии святитель Игнатий рассказывал, что, когда они проезжали около Шлиссельбурга, Александр Семенович внезапно обратился к сыну с вопросом: «Куда бы ты хотел поступить на службу?» Дмитрий был поражен такой откровенностью отца, решил не скрывать своей сердечной тайны и, испросив обещания не сердиться, если ответ не понравится, решительно сказал, что желает идти в монахи и что из всех видов службы он предпочитает службу Царю Небесному. Однако Александр Семенович не обратил серьезного внимания на слова сына, посчитав такой ответ просто мальчишеством.

Экзамены в Главное инженерное училище Дмитрий выдержал блестяще (при конкурсе более, чем четыре человека на место), он был единственный принят сразу во второй класс.

Благообразная наружность Дмитрия Брянчанинова, серьезность и благородство его манер, а также отличная успеваемость сразу же обратили на него внимание главы инженерного училища, генерал-инспектора, великого князя Николая Павловича будущего императора. Однажды великий князь приказал Брянчанинову явиться в Аничковский дворец, где представил его своей супруге Александре Федоровне, рекомендовав Брянчанинова, как отлично подготовленного не только к наукам, требуемым в инженерном училище, но знающего даже латинский и греческий языки. После этого юнкер Брянчанинов считался пансионером великой княгини Александры Федоровны.

Одновременно с учебой Дмитрий Брянчанинов стал бывать в обществе. Родственные связи и незаурядные способности открыли ему доступ во многие великосветские дома. Он был радушно принят в доме президента Академии Художеств и члена Государственного Совета Алексея Николаевича Оленина, бывая у которого Дмитрий Брянчанинов имел возможность познакомиться со многими знаменитостями того времени.

Но ни учеба, ни возможность вращаться в светском обществе не удовлетворяли юношу, по его собственным словам, «какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге». Тогда он вновь обращается к вере.

Однако в тогдашнем великосветском Петербурге практически невозможно было сохранить детскую веру – вокруг процветало множество религиозных систем и мистических течений. Как вспоминал он впоследствии, «Ах, в каком тяжком недоумении плавала душа моя! Как томилась ужасно! Какие на нее восставали волны сомнений, рождавшиеся от неверчивости к себе, от неверчивости ко всему, что шумело, вопияло вокруг меня, – от незнания, неведения истины».

В это время Дмитрию Брянчанинову приходит мысль, которую он принял за откровение Божие – изучить веру в писаниях святых отцов. Отныне все свое свободное время он посвящает изучению святоотеческих творений.

Духовные искания Дмитрия нашли отклик у его однокурсника Михаила Чихачева, происходившего из дворян Псковской губернии. Несмотря на то, что Чихачев был совершенно иного характера – весельчак и говорун. Их дружба началась с одного поразительного случая. Однажды Дмитрий Брянчанинов прервал веселую болтовню Чихачева, сказав ему: «Будь ты христианином!» На это Михаил Чихачев ответил: «Я никогда не был татаринном». Но Брянчанинов пояснил свой призыв: «Надо это слово исполнять делом и углубиться поприлежнее в него».

Чихачев не обиделся, напротив, он с радостью принял духовное руководство товарища. С этих пор они оба стали осуществлять жизнь во Христе: вместе они усердно посещают

храм, еженедельно стараясь исповедоваться и причаститься. Но их духовный настрой не встретил понимания у духовника инженерного училища, протоиерея Алексея Малова. Услышав на исповеди, что юнкера томимы многими «греховными помыслами», он заявил училищному начальству, что они имеют противоправительственные «политические замыслы». В результате им обоим – и Брянчанинову, и Чихачеву пришлось повторять свою исповедь перед начальником училища, лютеранином, генералом Сиверсом. Несмотря на то, что внешне эта история закончилась благополучно, Дмитрий Брянчанинов был так потрясен всем происшедшим, что серьезно заболел и слег в постель.

После этого юные подвижники обратились за духовным руководством к монахам Валаамского подворья. Наученные горьким опытом, они тщательно скрывали это и от училищного духовника, и от начальства. Однако в скором времени иноки Валаамского подворья поняли, что они не могут удовлетворить высокие духовные запросы двух юнкеров. Тогда один из монахов, о. Серафим, сказал Дмитрию Брянчанинову: «Дмитрий Александрович, что вы ходите сюда? Здесь вы не успокоите вашей души, а если угодно, есть в Невском монастыре ученики отца Леонида (преподобного Льва Оптинского), старцы опытные, получившие монашеское устройство от учеников старца Паисия Молдавского (преподобного Паисия Величковского), идите к ним, они вам лучше покажут этот путь».

Действительно, в Александро-Невской Лавре юноши нашли настоящих духовных руководителей: лаврского духовника о. Афанасия, монахов Аарона, Харитона, Иоанникия. Они советовались с этими иноками, как с духовными отцами, обо всем, что касается внутреннего монашеского делания, исповедовали свои помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, какими руководствоваться книгами из писаний святых отцов и тому подобное. Часто Дмитрий Брянчанинов удивлял подвижников своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте.

Но такое духовное благоденствие было недолгим. Дядька Доримедонт, живший в Петербурге при молодых Брянчаниновых, написал Александру Семеновичу о том, что его старший сын Дмитрий стал часто посещать Лавру, отошел от светской жизни и держится монахом. Узнав об этом Брянчанинов-старший понял, что некогда высказанное сыном желание монашества – не мальчишеская прихоть, а серьезное намерение. Александр Семенович решительно воспротивился желаниям сына. Он писал училищному начальству и петербургской родне, прося их отвлечь сына от монашеских идей.

По просьбе Александра Семеновича Брянчанинова, граф Сиверс немедленно принял строгие меры – Дмитрий Брянчанинов был переведен с частной квартиры в казарму инженерного замка, где за ним был установлен строгий надзор.

Одновременно А.М. Сухарева, родственница Брянчаниновых, озаботилась довести до сведения тогдашнего митрополита Петербургского Серафима (Глаголевского), что ее племянник Брянчанинов, любимый императором, свел знакомство с лаврскими иноками, что лаврский духовник

Афанасий склоняет его к монашеству и что если об этом будет узвано при дворе, то и ему, митрополиту, не избежать неприятностей. Митрополит призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова.

Тогда Дмитрий Брянчанинов вынужден был лично предстать пред Петербургским митрополитом Серафимом. Он выразил искреннее желание стать монахом. Примечательно, что митрополит Серафим, первоначально подозревая в нем только честолюбивые планы, объявил, что Брянчанинов, как не обладающий ученой степенью духовных академий, не может быть возведен в церковной иерархии выше сана архимандрита. На это молодой человек ответил, что ищет не санов, а единственно спасения души, состоящего в бегстве от мира. А мит-

рополит после беседы с юношей позволил ему продолжать общение с монахами Александро-Невской лавры.

А вскоре – 5 августа 1825 года, Дмитрий Брянчанинов, окончив юнкерские классы, был произведен в прапорщика, после этого он смог вновь поселиться на частной квартире и вести аскетический образ жизни.

Военная служба

Получив чин прапорщика, Дмитрий Брянчанинов продолжил учебу в старшем классе инженерного училища. Он был любим императорской семьей, и его ожидало блестящее будущее, но сам он был более чем равнодушен к этому. Как писал он впоследствии: «Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному».

А весной 1826 года Дмитрий Брянчанинов вновь простудился и тяжело заболел. Помимо училищного врача, лечившего молодого офицера, император Николай I приказал собственным медикам заняться Брянчаниновым и еженедельно сообщать императору о ходе болезни. Врачи подозревали чахотку, они объявили Дмитрию Брянчанинову, что положение очень опасное и что он близок к смерти. Это только усилило его духовный настрой, по-прежнему он много молился, с еще большим усердием изучал святых отцов и частым причащением старался подготовить себя к вечности. Однако, вопреки прогнозам медиков, Дмитрий Брянчанинов выздоровел.

Вскоре после выздоровления его ожидала большая радость. В Петербург приехал о. Леонид. Рассказы об этом старце Брянчанинов часто слышал от иноков Александро-Невской лавры – учеников о. Леонида. Теперь же ему представился случай самому повидаться со знаменитым подвижником. Они встретились в Александро-Невской лавре, где и остановился старец. По просьбе Дмитрия Брянчанинова, о. Леонид долго беседовал с ним наедине. Рассказывая своему другу Михаилу Чихачеву об этой беседе, Дмитрий Александрович говорил: «Сердце вырвал у меня отец Леонид, теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу; ему предамся всей душою и буду искать спасения души в уединении».

Но между намерением оставить мир и его исполнением было множество препятствий. Получив летом трехмесячный отпуск для поправки здоровья, Дмитрий Брянчанинов уехал в родовое имение. Там его ждало столкновение с отцом, который, узнав о намерении сына оставить службу и уйти в монахи, был страшно разгневан. Он называл Дмитрия непокорным ослушником и отказывался дать ему свое благословение. Горячо любившая сына мать ничем не могла помочь своему первенцу – она также не понимала его.

Вернувшись в столицу, Дмитрий Александрович блестяще, первым из всего курса, выдержал выпускные экзамены и был произведен в подпоручики. Он тут же подал в отставку. После этого ему пришлось выдержать борьбу уже со своими благодетелями – императором Николаем I и великим князем Михаилом Павловичем, которые также не поняли намерения молодого Брянчанинова и были оскорблены в лучших своих чувствах.

Так, император Николай Павлович, узнав, что лучший из выпускников инженерного училища подал в отставку, вызвал его к себе и уговаривал не оставлять службу. Дмитрий Брянчанинов поблагодарил императора, но остался непреклонен. Служение Царю Небесному было для него выше, чем служба царю земному. Тогда император поручил своему брату, великому князю Михаилу Павловичу, любыми средствами склонить Брянчанинова остаться на службе.

В первых числах января 1827 года Дмитрий Брянчанинов был вызван во дворец к великому князю. Там было собрано все высшее начальство инженерного училища. Великий князь сообщил ему, что император, зная его способности к службе, вместо отставки намерен перевести его в гвардию и дать такое положение, которое удовлетворит и самолюбию, и честолюбию. В ответ Дмитрий Брянчанинов сказал, что, не имея достаточных денежных средств, он не может служить в гвардии. «Заботы об этом государь изволит принять на себя», – сказал ему великий князь. – «Расстроенное мое здоровье, – вновь возразил Брянчанинов, – о чем известно его величеству из донесений лечивших меня медиков, поставляет меня в совершенную невозможность нести труды служебные и, предвидя скорую смерть, я должен позабо-

титься о приготовлении себя к вечности, для чего и избираю монашеское звание». Тогда великий князь заметил, что он может получить службу в южном климате России и что гораздо почетнее спасать душу свою, оставаясь в мире. Брянчанинов отвечал: «Остаться в мире и желать спастись – это, ваше высочество, все равно, что сто ять в огне и желать не сгореть».

Видя, что уговоры ни к чему не приводят, великий князь Михаил Павлович разгневался. Он начал кричать на Дмитрия Брянчанинова, называя его ослушником высочайшей воли, причем очевидцы утверждали, что великий князь сказал: «Ты хочешь молиться, ну мы тебе дадим». От такого крика Брянчанинов побледнел. Заметив это, великий князь успокоился и спросил: «Ну, что? Испугался? Отказываешься от монашества?» – «Напротив, ваше высочество, – почтительно, но твердо ответил Брянчанинов. – Прошу оказать мне милость – уволить меня от службы». Великий князь решительно возразил ему, так как он остается непреклонен в своем упорстве, то объявляется ему высочайшая воля: государь император отказывает ему в увольнении от службы и делает ему лишь ту милость, что предоставляет самому избрать крепость, в которую он должен быть послан на службу.

Но Брянчанинов отказался, сказав: «Позвольте мне, ваше высочество, начать мое монашество отречением от своей воли в этом избрании, предоставляя мне исполнить приказание». Тогда великий князь обратился к графу Оперману, своему помощнику по званию генерал-инспектора инженеров; тот указал на Динабург. Великий князь одобрил указание, и в тот же вечер состоялось назначение Брянчанинова в Динабургскую инженерную команду, с приказанием в 24 часа выехать из Петербурга к месту службы. Одновременно начальнику Динабургской крепости, генерал-майору Клименко, было предписано строго следить за поведением Брянчанинова и не позволять ему уклоняться в духовную жизнь.

В Динабургской крепости Дмитрию Брянчанинову было поручено следить за земляными работами. Но так как он часто болел, сослуживцы, оценившие и характер молодого офицера, и двусмысленное положение, в котором он оказался, помогали ему.

Отставка. Начало послушничества

Долгожданное освобождение от службы пришло совершенно внезапно. Осенью 1827 года великий князь Михаил Павлович посетил Динабургскую крепость. Дмитрий Брянчанинов вновь подал прошение об отставке. В качестве причины отставки называлась неизлечимая болезненность – подтвердить это могли на сей раз не только медики, но и сослуживцы Брянчанинова.

В конце концов, убедившись в непреклонности молодого офицера, великий князь вынужден был принять его прошение. При этом адъютант великого князя передал Брянчанинову такие слова своего благодетеля: «Хотя для него (Брянчанинова) и готовилось видное и полезное в государстве место, но так как нет закона насильно держать кого-либо на службе, то его увольняют». 6 ноября 1827 года последовал «Высочайший приказ об отставке Дмитрия Александровича Брянчанинова».

Получив отставку, Дмитрий Брянчанинов тут же направился к старцу Леониду, который в то время вместе с учениками подвизался в Александро-Свирском монастыре. Вот как впоследствии он описывал свои чувства при вступлении в монастырь: «Вступил я в монастырь, как кидается изумленный, закрыв глаза и отложив размышления, в огонь или пучину, как кидается воин, увлеченный сердцем, в сечу кровавую на явную смерть. Звезда, руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или, правильнее, во мраке, в бурях монастырских».

Тем временем, всем стало известно, что блестящий выпускник инженерного училища все-таки осуществил свою мечту и, бросив службу и карьеру, ушел в монастырь. Его родные и знакомые были шокированы его поступком. Отец, оскорбленный до глубины души непослушанием первенца, наотрез отказал ему в денежном содержании. Однако сам Дмитрий Брянчанинов воспринял это лишь как исполнение заповеди о нестяжании.

В Александро-Свирской обители, по благословению настоятеля – архимандрита Варсонофия и старца Леонида, новый послушник сразу же был облачен в подрясник. С того времени и до конца своих дней он больше не расставался с этой одеждой.

Как и всякому новоназначенному послушнику, Дмитрию Брянчанинову было назначено послушание при поварне. Поваром был бывший крепостной Александра Семеновича Брянчанинова. В первый же день нужно было идти в амбар за мукой. Повар сказал ему: «Ну-ка, брат, пойдем за мукой!» – и бросил ему мучной мешок, так что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, растянув мешок обеими руками и, по приказанию повара, прихватив зубами, чтоб удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное духовное движение, какого еще не испытывал никогда: собственное смиренное поведение, полное забвение своего «я» так усладили его тогда, что он во всю жизнь вспоминал этот случай.

Затем в числе прочих послушников он назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Раз как-то невод запутался в глубине. Монах, заведовавший ловлей, зная, что Брянчанинов хорошо умел плавать и долго мог держаться под водой, послал его распутать невод. Несмотря на сильный осенний холод, Дмитрий Александрович беспрекословно исполнил приказание, которое отозвалось крайне зловредно на его слабом здоровье – он сильно простудился.

После этого он был назначен на послушание в трапезной. Проходя это послушание, Дмитрий Брянчанинов однажды ставил блюдо на стол, за которым сидели послушники, и мысленно произнес: «Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение». При этом он вдруг почувствовал в сердце необыкновенное молитвенное действие, так что он даже пошат-

нулся. В его грудь запало сладостное утешение, которое не покидало его более двадцати дней (святитель описал этот случай в «Аскетических опытах», приписывая его другому лицу).

Подобные случаи послушания и смирения сделали то, что вся монастырская братия стала с явным уважением относиться к Брянчанинову, отдавая ему предпочтение пред прочими, чем он очень тяготился, потому что, живя в среде монастырского братства, он даже старался скрывать свое происхождение и образование, радуясь, когда незнавшие считали его за недоучившегося семинариста.

В плане же собственно монашеского делания Брянчанинов со всей искренностью отдал себя духовному руководству старца Леонида, по подобию древнего послушничества, ежедневно исповедовал ему все движения внутренней жизни, не предпринимал ни одного действия без благословения старца, проходил налагаемые на него испытания, иногда очень тяжелые. Такой крайне смиряющий образ руководства был пред принят отцом Леонидом в отношении ученика своего, молодого офицера Брянчанинова, без сомнения, для того, чтобы победить в нем всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец посту пал, как неллицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых отцов; он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не мог ли не нравиться послушнику, с искренней любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам.

В Александро-Свирском монастыре послушник Дмитрий Брянчанинов провел около года. Затем на общем совете старца Леонида с учениками было решено перебраться в Площанскую пустынь Орловской епархии. Площанская пустынь, куда переселялся о. Леонид с учениками, отличалась строгостью устава и продолжительным богослужением, но была весьма многолюдна – в ней было около двухсот человек братии.

Скитания по обителям

По дороге в Площанскую пустынь Дмитрий Брянчанинов навестил в Петербурге Михаила Чихачева. Здесь в откровенной беседе он признался другу, что «руководство старца Леонида не вполне его удовлетворяет, ибо старец не может решить всех его недоумений, которые приходится по большей части решать самому». Предполагают, что здесь в данном случае речь шла о том, что о. Леонид не благословлял своим ученикам заниматься Иисусовой молитвой, а Дмитрий Брянчанинов стремился именно к этому.

Уезжая в Площанскую пустынь, Брянчанинов выразил надежду, что его друг сможет подвизаться вместе с ним. Действительно, вскоре Михаил Чихачев смог получить отставку и стать послушником в Площанской пустыни.

Присутствие друга и сомолитвенника немного утешило Дмитрия Брянчанинова. Однако и на новом месте духовные проблемы со старцем никуда не ушли, но со временем лишь усугубились. К тому же, число учеников старца умножилось, и собрания их стали сопровождаться некоторой молвой и рассеянностью. Лишние разговоры и пересуды в среде учеников отзывались в душе Дмитрия Брянчанинова тягостно.

Желая найти выход из создавшегося положения, друзья просили о. Леонида благословить их на жительство в скиту отдельно от других учеников старца. Но старец поначалу отказался дать такое благословение. Это так огорчило Брянчанинова, что он заболел.

Во время болезни «в тонкой и самой малой дремоте» было ему видение, о котором впоследствии так рассказывал его друг Чихачев: «Виделся ему светлый крест во весь его рост, и какая-то таинственная евангельская надпись на кресте. Над крестом были ветви и длани Христа Спасителя; при кресте стоял он сам и друг его, и был к нему голос от креста: «Знаешь ли ты, что значат слова, написанные на кресте?» – «Нет, Господи, не знаю» – «Это значит, – продолжал невидимый голос, – искреннее отречение от мира и всего земного. А знаешь ли, почему ветви и длани Христа Спасителя наклонены на ту сторону (на которой в видении стоял его друг Чихачев)?» – «И этого не знаю, Господи», – сказал он. Тогда голос отвечал ему ясно и значительно: «Это значит, что и он должен участвовать в твоих страданиях»». Сразу же после видения болезнь оставила Дмитрия Брянчанинова, он почувствовал небывалую бодрость и крепость телесную.

Когда о видении узнал о. Леонид, он благословил друзей поселиться отдельно от других. Но после этого он уже не считал их своими духовными чадами и рекомендовал им исповедоваться у братского духовника, а к нему обращаться только в особых случаях.

Некоторое время друзья жили вполне подвижнической жизнью: они держались уединения, избегали многолюдства, хранили себя всячески от вредных для безмолвия впечатлений окружающей среды, избегали ненужных встреч и лишних знакомств, чтобы держать себя в строгом молчании и хранении ума. Отдельное помещение в монастырском саду, вне всяких сообщений, доставляло им желанный покой: молодые подвижники радовались своему отшельничеству. Так провели они зиму 1829 года.

Но неожиданно их спокойная жизнь закончилась. В Площанскую пустынь был назначен новый настоятель – иеромонах Маркелл. Он не одобрял деятельности о. Леонида и сразу же потребовал, чтобы старец с учениками покинул обитель. О. Леонид переехал в Оптину пустынь. Брянчанинов и Чихачев хотели остаться в обители, так как они вышли из-под руководства о. Леонида. Однако новый настоятель не захотел ничего слушать, он потребовал, чтобы и они покинули Площанскую пустынь. Волей-неволей вынуждены были они искать себе новое пристанище.

Первоначально они направились в Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пустынь, но там их не приняли. Были они и в Свенском монастыре, где в то время подвизался в затворе

иеромонах Афанасий, один из учеников старца Паисия Величковского. Дмитрий Брянчанинов посетил затворника и беседовал с ним о благотворности плача, о чем вспоминает в своих «Аскетических опытах», приводя слова затворника, глубоко запавшие в его душу: «В тот день, в который я не плачу о себе как о погибшем, считаю себя в самообольщении».

Скитания привели их в Оптину пустынь, где в то время был о. Леонид с учениками. Не без сомнения настоятель Оптиной, преподобный Моисей, согласился принять послушников, ранее отделившихся от своего старца. Как показали последующие события, они действительно не смогли ужиться в Оптиной пустыни.

Настоятель смотрел на них неблагосклонно, братия относилась не совсем доверчиво. Пришлось перенести много скорбей при уединенном образе жизни; сама пища монастырская, приправленная постным маслом плохого качества, вредно действовала на слабый и болезненный организм Дмитрия Брянчанинова. Тогда они решили сами для себя готовить пищу: с большим трудом выпрашивали они круп или картофеля и варили похлебку в своей келье, но жом служил им топор; готовил пищу Чихачев. Такая трудная и неблагоприятная обстановка, конечно, не могла долго продолжаться: изнурительная слабость телесных сил была последствием ее для того и другого. Сперва пострадал от нее Дмитрий Брянчанинов, настолько, что не мог держаться на ногах; за ним ухаживал Чихачев, который был крепче его, но вскоре и он свалился от лихорадки. Тогда за больным товарищем ухаживал Брянчанинов; но тут же сам падал от полного изнеможения.

В это время тяжело заболела Софья Афанасьевна Брянчанинова. Она уже давно простила в душе поступок своего сына, но не смела говорить об этом при муже. Лишь во время болезни она высказала желание повидаться с любимым сыном. Болезнь жены и ее желание видеть сына, а также известие о том, что их сын сам тяжело болен, смягчило Александра Семеновича. Он написал сыну письмо, в котором просил его приехать домой для свидания с больной матерью. При этом он писал, что не будет препятствовать его намерениям. Вместе с письмом Александр Семенович прислал и крытую бричку.

Узнав о болезни матери и, понимая, что в Оптиной пустыни им не ужиться, Дмитрий Брянчанинов решился ехать в родительский дом. Он отправился вместе с больным товарищем своим Чихачевым, так как Александр Семенович был столь внимателен, что не забыл пригласить и того.

Приехав в Покровское, молодые люди расположились в отдельном флигеле с намерением продолжать свои иноческие подвиги, обращаясь за духовными потребностями к местному сельскому священнику, считая свое пребывание здесь только временным, тем паче что ко времени их приезда Софья Афанасьевна почти поправилась. Она полностью примирилась со своим первенцем, хотя и не потеряла надежды на то, что он останется в миру. Еще больше думал об этом Александр Семенович. Несмотря на обещание, данное в письме, он стал требовать, чтобы сын возвратился на службу.

Все это очень тяготило и Дмитрия Брянчанинова, и Михаила Чихачева, и после двух месяцев, проведенных в Покровском, они, вновь оставив все, направились в Кирилло-Новоозерский монастырь. В это время там жил на покое архимандрит Феофан, знаменитый своей святою жизнью и примерным управлением обителью, а настоятелем был игумен Аркадий, его присный ученик и подражатель. Отец Аркадий отличался простотою нрава; он провидел в двух молодых пришельцах дух истинного монашества и с любовью принял их в свою обитель.

Но недолго радовались друзья новому месту жительства. Обитель эта расположена на острове среди большого озера, монастырские стены стоят на сваях, вбитых в дно, и потому здешний климат оказался слишком сырым. Физическое здоровье Брянчанинова подводило его все чаще и чаще. Проболев три месяца лихорадкой, он окончательно слег, так что у него стали опухать ноги. Это заставило его вернуться в Вологду.

В Вологде Дмитрий Брянчанинов остановился у своих родных и стал лечиться от мучившей его лихорадки. Чихачев, также пострадавший от климата Новоозерской обители, отправился в Никандрову пустынь, в тридцати верстах от которой был его родительский дом.

Монашеский постриг

Как раз в это время на Дмитрия Брянчанинова обратил внимание Вологодский архиепископ Стефан. Сочувствуя неприкаянности молодого послушника и не понаслышке зная о его тяжелых семейных обстоятельствах, Владыка благословил ему поселиться в Семигородской Успенской обители. Местность этой обители благоприятствовала восстановлению его здоровья; он с новой ревностью предался своим обычным духовным занятиям: богомыслию и молитве в тишине келейного уединения. Подвизаясь там, он сблизился с инспектором Вологодской семинарии – иеромонахом Софронием. Там он написал свое первое духовное сочинение «Плач мой».

Но из-за близости к родительскому дому Дмитрию Брянчанинову и в Семигородской обители не было покоя. Время от времени навещая сына, Александр Семенович требовал, чтобы сын вернулся к мирской жизни и поступил на государственную службу. Тогда Дмитрий Брянчанинов обратился за помощью к Владыке Стефану. Он просил архиерея, во-первых, перевести его в более отдаленную обитель, а во-вторых, постричь в монашество.

Владыка выполнил его просьбу: 20 февраля 1831 года он был переведен в более уединенный, пустынный Глушицкий Диониси ев монастырь, где и зачислен послушником. Но и в Глушицком монастыре отец не оставил его в покое. Тогда, вопреки существовавшим тогда правилам, архиепископ Стефан подает в Святейший Синод прошение о немедленном пострижении послушника Брянчанинова. Получив разрешение Священного Синода, он вызвал Дмитрия Брянчанинова из Глушицкого монастыря в Вологду и велел готовиться к пострижению; вместе с тем он приказал ему хранить это в тайне от родных и знакомых. Это было очень неудобно, так как готовящийся к пострижению вынужден был остановиться на постоялом дворе и среди мирской суеты приготавливаться к великому обряду.

28 июня 1831 года преосвященный Стефан постриг Брянчанинова в монашество в кафедральном Воскресенском соборе и нарек Игнатием, в честь священномученика Игнатия Богоносца. Родные Брянчанинова, прибывшие 28 июня в собор к богослужению, были крайне изумлены всем увиденным. После пострига Владыка Стефан не отпустил инока Игнатия в обитель.

Родители новопостриженного с неудовольствием отнеслись к этому событию, особенно Александр Семенович был поражен им; его воля, на которой он так упорно настаивал, не состоялась: все планы относительно светской карьеры сына рушились, мечты о его блестящей будущности исчезли. Сын в глазах отца сделался бесполезным членом общества, утратившим все, что отец доставил ему воспитанием. Софья Афанасьевна благосклоннее смотрела на поступок сына, но духовная сторона была также чужда ей, и она сожалела о том, что сын так нелепо распорядился своей жизнью. Из-за таких отношений с родителями инок Игнатий после пострига вынужден был поселиться в загородном доме своего дяди и крестного отца Дмитрия Ивановича Самарина и принять денежную помощь от одной из своих родственниц – Воейковой.

4 июля того же года инок Игнатий был рукоположен преосвященным Стефаном в иеродиакона. Его дьяконское служение проходило под руководством известного своим благочестием дьякона Александра Воскресенского.

25-го числа того же месяца иеродьякон Игнатий был рукоположен во иеромонаха и оставлен при архиерейском доме, который в Вологде находится при кафедральном соборе, в одной с ним ограде. Для обучения священнослужению о. Игнатий был приставлен к городской церкви Спаса обыденного под руководство священника Василия Нордова, впоследствии протоиерея и настоятеля Вологодского кафедрального собора. Вот что писал об этом времени сам святитель Игнатий: «Совершилось! Я пострижен и посвящен во иеромонаха.

Когда меня постригали, казалось мне, что я умер; когда посвятили, казалось – воскрес. Живу какой-то новою жизнью, весьма спокоен, не тревожит меня никакое желание, во время каждой обедни ощущаю, что достиг конца желаний, что получил более, нежели сколько бы мне пожелать. Не хочу описывать вам наружных обстоятельств, сопровождающих мое пострижение и посвящение, предполагаю, другие расскажут. Сказываю всем о себе то, что другие о мне знать и сказать не могут: я счастлив!»

Однако пребывание в Вологде заставляло его часто возвращаться в кругу родных и знакомых: многие из них стали его посещать и требовали от него взаимных посещений к себе. Молодой и привлекательный, он интересовал все вологодское общество, все о нем говорили, все желали сблизиться с ним. Это необходимо вовлекало его в мирскую рассеянность и прямо противоречило тем обетам, какие он только что произнес. Поняв, что пребывание в Вологде становится для него душевредным, он стал просить покровителя своего, преосвященного Стефана, отпустить его в Глушицкий монастырь. Но Владыка решил повременить с этим, намереваясь дать ему место, соответственное его способностям.

Служение в Вологодской епархии

В конце 1831 года скончался строитель Пельшемского Лопотова монастыря, иеромонах Иосиф. Обряд погребения поручено было совершить иеромонаху Игнатию. 6 января 1832 года он был назначен на место умершего, а 14-го ему было дано звание строителя. Лопотов монастырь, основанный преподобным Григорием Пельшемским, расположен в сорока верстах от Вологды, на берегу реки Пельшмы, впадающей в Сухону, в местности лесной и болотистой. Монастырь был почти в разрушенном состоянии, так что предполагалось его упразднить: церковь и прочие здания крайне обветшали, доходы были скудные, недостаток в самом необходимом.

Новый настоятель принялся за дело с энергией. К нему сразу же собрались послушники, знавшие его еще до принятия им пострига. В нем уже чувствовали духовную опору и подлинную монашескую прочность. И, действительно, с приходом нового настоятеля богослужение в Лопотовом монастыре сразу же было приведено в надлежащий порядок. В этом ему очень помог его друг Михаил Чихачев, который, узнав о том, что его товарищ назначен строителем Лопотова монастыря, сразу же оставил все и приехал к о. Игнатию. Чихачев обладал отличным голосом, знал хорошо церковное пение и составил очень хороший монастырский хор, который немало содействовал к привлечению в обитель многих богомольцев. Строитель Игнатий постриг своего друга в рясофор и руководил в духовной жизни.

К тому же от своего отца иеромонах Игнатий унаследовал прекрасные хозяйственные способности, которые помогли ему в короткий срок значительно улучшить материальное состояние обители. Вскоре потекли пожертвования от жителей Вологды, видевших в новом настоятеле Лопотова монастыря и хозяйственника, и духовника. Благодаря этим жертвованиям в обители были отремонтированы старые здания и построены новые, тут ему пригодилась учеба в Главном инженерном училище. Вскоре обитель и внешне, и внутренне обновилась, стала просто неузнаваема.

Благая деятельность святителя в возвышении нравов насельников Лопотова монастыря была засвидетельствована свыше. Благочестивый крестьянин Карп, проживавший рядом в поселке, увидел в видении, как некоторые иноки Лопотова монастыря (те, что были в монастыре еще до прихода святителя), стоя в водах реки Пельшмы, жаловались преподобному Григорию Пельшемскому, что новый игумен Игнатий делает им притеснения: в церковь не велит ходить с заплетенными волосами, на клиросе запрещает нюхать табак, не велит носить красных кушаков, запрещает ходить по деревьям и прочее, тому подобное. Преподобный Григорий, обратившись к Карпу, сказал: «Ты слышишь их жалобы, могу ли их послушать? Настоятель делает как надо и, если пребудет в заповедях Божиих до конца, причтен будет с нами».

Слава о деятельности молодого строителя Лопотова монастыря дошла и до его родителей. Даже Александр Семенович Брянчанинов смягчился, надеясь если не на светскую, то на духовную карьеру и славу сына. Благодаря этому строитель Игнатий стал часто бывать в доме родителей. Но в основном он общался с матерью, которая часто болела и нуждалась в утешении. Вскоре, напутствованная молитвами священноинока – своего сына, Софья Афанасьевна скончалась 25 июля 1832 года. За несколько минут до смерти она произнесла: «Теперь, в этот час, у меня одно утешение: мой старший сын – в монастыре». Иеромонах Игнатий сам совершил отпевание в храме села Покровского.

Менее чем через два года после назначения о. Игнатия строителем Лопотова монастыря честолюбивые надежды отца его начали сбываться. Владыка Вологодский Стефан, видя неутомимые труды строителя Игнатия по возобновлению и благоустройству Лопотовой обители, возвел его в сан игумена 28 мая 1833 года.

Но болотистая местность Лопотова монастыря уносила последние силы игумена Игнатия и наконец совсем расстроила его здоровье. Чихачев, переживая за своего друга и настоятеля и не видя никакого другого выхода, предложил ему свою мысль – переселиться из Лопотова монастыря куда-либо в другое место.

Перевод в Сергиеву Пустынь

Получив благословение настоятеля, Михаил Чихачев направился в Петербург, к графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской. Графиня радушно приняла Чихачева, дала помещение в своем доме, снабдила всем нужным и деятельно стала хлопотать о перемещении игумена Игнатия из Лопотова монастыря. Она же посоветовала ему представиться Московскому митрополиту святителю Филарету, который тогда находился в Петербурге.

Святитель Филарет принял Чихачева на Троицком подворье и сказал: «Мне не безызвестны жизнь и качества игумена Игнатия». Московский митрополит готов был предложить игумену Игнатию место настоятеля в Николо-Угрешском третьеклассном монастыре. Чихачев поблагодарил Владыку Филарета и сказал, что игумену Игнатию неудобно будет самому проситься из вологодской епархии, так как он пострижен лично вологодским архиереем, который может оскорбиться таким поступком своего постриженца. «Хорошо, – сказал митрополит, – я сделаю предложение об этом в Синоде и надеюсь, что мне не откажут». На другой день был послан из Синода указ в Вологду к преосвященному Стефану о перемещении игумена Лопотова монастыря Игнатия в Николо-Угрешский монастырь, куда, по сдаче своего монастыря, и предписывалось его немедленно отправить.

Вопреки опасениям, владыка Стефан доброжелательно отнесся к этому событию. Напутствовав игумена Игнатия своим благословением на новое служебное место, он сделал следующий отзыв о нем в своем отношении к митрополиту Московскому от 28 ноября 1833 года: «Игумен Игнатий, по пострижении в 1831 году, по указу Святейшего Правительствующего Синода, в монашество, состоя в числе братии третьеклассного Глушицкого монастыря, похвальными своими качествами и образованностью своей в науках всегда обращал на себя особое мое внимание, почему взят был в вологодский архиерейский дом и, по рукоположении во иеродиакона, а потом в иеромонаха, употребляем был для соборного священнослужения, где более и более замечая в нем отличные способности, украшаемые похвальным поведением, в 1832 году января 6, я определил его, Игнатия, на место умершего в Лопотове монастыре строителя иеромонаха Иосифа – строителем, и он, будучи в сей новой, возложенной на него должности, образом примерной своей жизни, учреждением в монастыре порядка, согласно правилам и уставам монастырским, точным наблюдением должного в монастыре благоприличия, обращая на себя от публики особенное внимание, успел возродить в почитателях святой обители усердие и тем достиг возможности Лопотов монастырь, пришедший уже в совершенный упадок и расстройство, привести ныне в короткое время в наилучшее состояние, как то: 1) заведением многоценных серебряных святых сосудов, Евангелия, и облачений, и многих других, для благолепия церковного служащих вещей, и 2) устройением настоятельских и братских келий, а потом поправ кою многих ветхих монастырских строений, каковая его, Игнатия, полезная для обители святой служба, а притом и отзывы публики о похвальных его качествах убедили меня сего года мая 28-го дня, для поощрения его к дальнейшей таковой же службе, произвести в игумена, с оставлением в том же заштатном Лопотове монастыре настоятелем, о каковой его, игумена Игнатия, отличнопохвальной службе за нужное почел довести при сем до сведения Вашего Высоко преосвященства».

Неожиданно слухи об этом деле дошли до императора. Вспомнив любимого воспитанника инженерного училища, он приказал митрополиту Московскому вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в Петербург. Святитель Филарет, исполняя волю императора, официальным письмом от 15 ноября 1833 года на имя вологодского Владыки Стефана просил его как можно скорее отправить игумена Игнатия прямо в Петербург, а частным письмом своим к игумену Игнатию требовал, чтобы он, нисколько не медля, прибыл к нему в Петербург на

Троицкое подворье. «Это распоряжение должно быть исполнено безотлагательно, – писал Московский владыка, – потому что это воля не моя».

27 ноября игумен Игнатий сдал Лопотов монастырь своему казначею, а 30 ноября выехал в Петербург. Приехав в столицу, игумен Игнатий немедленно отправился к митрополиту Филарету, который приютил его на своем Троицком подворье.

Через несколько дней состоялась его встреча с императором Николаем I. Вот как сам святитель Игнатий описывал ее: «12 числа сего месяца, вечером в шесть часов представлялся я государю императору наедине в его кабинете. Трогательно было и интересно сие представление. Государь обнял меня, я его; он повторял: «Друг мой! Друг мой!» – я кричал: «Отец мой! Отец мой!» Изволил подробно расспрашивать о обстоятельствах моей жизни в монашестве... Наконец, объявил мне свою волю, чтобы я оставался близ Петербурга в Сергиевой пустыни. При этом государь сказал: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь, – на нем ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем император повел игумена на половину к императрице Александре Федоровне. Войдя к ней, спросил ее: «Узнает ли она этого монаха?» На отрицательный ответ он назвал игумена по фамилии. Она очень милостиво отнеслась к своему бывшему пансионеру и просила благословить всех ее детей.

Вскоре – 1 января 1834 года, в Казанском соборе, игумена Игнатия возвели в сан архимандрита – ему было неполных 27 лет. А 5 января архимандрит Игнатий выехал в свою обитель в сопровождении Чихачева и только что принятого в келейники юноши Иоанна Малышева, который впоследствии, через двадцать три года, сделался преемником своего старца.

Начало настоятельства в Сергиевой пустыни

Желание о. Игнатия переселиться из Лопотова монастыря имело в основании чисто физическую причину. Его болезненному организму нужен был климат если не южный, то, по крайней мере, сухой, а не болотистый. Местность Сергиевой пустыни в климатическом отношении был даже хуже, чем Лопотов монастырь. Береговая сторона Финского залива, волны которого разливаются в виду самой обители, никак не могла служить к восстановлению физических сил.

К столетию своего существования Сергиева пустынь была совершенно запущенной, как в духовном, так и в материальном отношении. Вот как сам святитель Игнатий писал о вверенной ему обители: «Непостижимыми судьбами Промысла я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему несоответствующею моим целям духовным».

К моменту назначения архимандрита Игнатия настоятелем Сергиевой пустыни здания монастырские, начиная с церкви преподобного Сергия, были давно запущены. Из-за разрухи келейных корпусов вся братия помещалась в инвалидном доме, устроенном при монастыре на иждивение графов Зубовых и состоящем на их содержании. В Троице-Сергиевой пустыни не было никакого монастырского хозяйства и даже земля, на которой был расположен монастырь, не имела ни одного межевого столба. Не лучше обстояло дело и с вверенной архимандриту монастырской братией – все братство обители состояло из тринадцати человек: восьми монашествующих, трех послушников и двух подначальных. И несмотря на такое незначительное число братии, в среде их не было порядка.

Молодому настоятелю предстояло сделать многое. Нужно было возродить духовную жизнь, упорядочить материальную сторону обители и восстановить внешний и внутренний

порядок. Как и в Лопотовом монастыре, архимандрит Игнатий начал возрождение обители с упорядочения богослужения. Он сам старался подавать братии пример чинного и уставного совершения служб. При содействии Михаила Чихачева в Троице-Сергиевой пустыни был устроен монастырский хор. К устройению богослужебного пения святитель Игнатий привлек также лучших композиторов своего времени: о. Петра Турчанинова, М.М. Глинку, А.Ф. Львова.

Поскольку для торжественного совершения богослужений необходим благоустроенный храм, то о. Игнатию практически сразу после вступление в должность настоятеля пришлось озаботиться ремонтом храма в честь преподобного Сергия, в котором оказались годными только одни стены. После ремонта храма также были отремонтированы келейные корпуса.

Вместе с необходимыми постройками и учреждением порядков внутри обители настоятель архимандрит Игнатий должен был обратить свою деятельность и на другие отрасли ее благоустройства, именно, на поземельную собственность и сельское хозяйство. Как оказалось, всею землей, которая была приобретена еще основателем пустыни, пользовались незаконно крестьяне деревни Подмонастырской слободы, монастырь же имел лишь 25,5 десятин, занимаемых огородом и покосом, и хлопоты монастыря о восстановлении его прав на эту землю, несмотря на неоспоримость его документов, остались безуспешными.

В 1835 году архимандрит подал прошение о восстановлении на монастырской земле межевых знаков и о скорейшем разборе прав на владение землей, неправильно присвоенной крестьянами. Спорное с крестьянами дело о земле решено в 1836 году тем, что хотя земля признана принадлежащей монастырю, но в видах затруднения выселиться с нее крестьянам, основавшимся на ней с 1765 года, положено, по соглашению с настоятелем, разделить землю на две части: восточную сторону, на которой стоит монастырь, по линии от севера к югу отдать ему, а западную, на которой поселились крестьяне, уступить им. Давая свое согласие на такой исход дела, архимандрит Игнатий писал: «Думаю, что преподобный Сергий лучше бы согласился уступить часть достояния своего, чем причинить огорчение крестьянам переселением их, чему простые сии люди не иначе повинуются, как предаваясь неутешной печали и горьким слезам. Посему и я, поверенный преподобного Сергия, как в сем деле, так и в прочих, до обители его касающихся, должен соотноситься с благоутробием своего настоятеля».

В то же время архимандрит Игнатий устроил монастырское хозяйство, прекратив отдачу в аренду небольшого участка земли, оставшегося во владении обители, где был заведен огород и скотный двор, был улучшен монастырский сад. Благодаря этому монастырь стал пользоваться круглый год овощами из своих огородов, ржаного хлеба хватало на весь год, а скотный двор давал для братской трапезы в изобилии молочные продукты.

Духовное устройство братии

Сразу же после того, как Сергиева пустынь была приведена в более-менее жизнеспособное состояние, архимандрит Игнатий озаботился духовным устройением братии. Много трудов было положено архимандритом Игнатием для перевоспитания прежней братии обители. Здесь он проявил редкое терпение и снисходительность к человеческим слабостям. С первого же дня архимандрит Игнатий стал принимать к себе желающих на откровение помыслов. Двери его кельи были всегда открыты для всех. Число посещающих настоятеля братий с каждым днем росло, пока вся братия не составила одну великую семью, управляемую одним отцом, связанную союзом согласия и духовного единения, одушевляемую и руководимую высоким учением отца-наставника.

В приеме новых лиц в братию архимандрит Игнатий был очень внимателен. Его задачей было окружить себя людьми со способностями и силами, честными и порядочными, всецело преданными делу служения Церкви Христовой на любом, даже самом низком послушании. Согласно воспоминаниям Чихачева, этому очень помогало умение о. Игнатия выбирать людей и его знание сердца человеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им доверяемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями.

Однако, стараясь не принимать в Сергиеву обитель тех, кто своим поведением был способен бросить на нее тень, архимандрит Игнатий иногда отступал от этого правила, если видел в желающем поступить в его монастырь искреннее покаяние и желание исправления.

Принятые в братство послушники, равно как и все состоящие в обители иноки, никогда не были предоставлены сами себе. Настоятель осторожно вникал в келейную жизнь каждого, внушая всем использовать данное от Бога время во спасение. Он руководил чтением братии, рекомендуя каждому те или иные творения святых отцов, в зависимости от духовного уровня и наклонностей каждого брата. При этом архимандрит Игнатий старался не стеснять свободы своих учеников. Он стремился к тому, чтобы в его присутствии братия вела себя естественно, и поощрял радостное состояние духа своих учеников. Если же о. Игнатий замечал, что кто-либо из братии впал в уныние, то старался расспросить о причине этого, воодушевить словом утешения и всегда неизменно прибавлял: «Уныние не от Бога, исповедуй грех и будь весел». Непрестанное общение с о. Игнатием, ежедневное откровение помыслов облагораживали и совершенно перерождали души учеников святителя. Они были, по выражению одного из них, «всегда легки и веселы», летая на крыльях духовной радости, всегда были готовы исполнить любое послушание.

Количество братии Сергиевой пустыни с каждым годом увеличивалось. Особенно заметный приток искателей истинного монашеского жития был из Вологодской епархии, из тех монастырей, в которых некогда жил архимандрит Игнатий. Его светлый образ оставил след в памяти многих, и узнав, что он стоит во главе Сергиевой пустыни и успешно занимается духовным руководством, многие спешили к нему, чтобы под его мудрым водительством неуклонно шествовать по пути спасения.

Из учеников архимандрита Игнатия вышло много опытных старцев, ставших настоятелями в иных обителях.

Внешнее устройство обители

Одновременно с духовным руководством братии архимандрит Игнатий в течение всех лет пребывания в обители был занят и ее внешним благоустройством. В настоятельство о. Игнатия в Сергиевой пустыни был возобновлен Троицкий собор, средства на строительство которого были пожертвованы императорской семьей, а также построено три новых храма: Покровский, Христа Спасителя и Григория Богослова. Архимандрит Игнатий и его неизменный сподвижник, инок Михаил Чихачев, сами наблюдали за строительными работами. Будучи прекрасными инженерами, они составляли планы вновь возводимых зданий, производили все технические расчеты и следили за минимальным использованием монастырских средств.

В 1835 году архимандрит Игнатий возбудил ходатайство о наделении обители земельным участком в 50 десятин. Межевая канцелярия в августе того же года выделила в Новоладожском уезде просимый участок. Лес с этого участка был употреблен на монастырские постройки.

Мудрое изыскание и использование средств позволило о. Игнатию поднять материальное благосостояние обители на небывалую высоту. Это и одновременное увеличение числа

братии позволило архимандриту Игнатию хлопотать об изменении статуса обители и об официальном увеличении штата обители, поскольку, по законам того времени, число живущей в обители братии не должно было превышать положенной по штату нормы. Святейший Синод, на усмотрение которого представлено было это дело, 23 мая 1836 года постановил следующее определение: «Принимая в рассуждение, что Сергиева пустыня, находясь близ столицы, посещается многими богомольцами, что в ней при управлении нынешнего настоятеля нравственное состояние братии, благочестие и порядок между ними и в самом церковном служении ощутительно улучшаются, и что монашествующие ее нередко командированы во флот для морских кампаний, Святейший Синод нашел справедливым и полезным вместо предполагаемого епархиальным начальством только увеличения в этой пустыне штата иеромонахов шестью человеками, возвести оную из второго в первый класс, с присвоением ей штата людей и со держания общего для монастырей первоклассных, и тем доставив пустыне способ приуготовлять большее число хороших монашествующих, поддержать достоинство ее во мнении народа, для богомоления туда стекающегося».

Синодальное постановление наряду с возросшим благосостоянием позволило архимандриту Игнатию в 1839 году открыть в Сергиевой пустыни начальную школу для детей штатных военнотружущих и окрестных поселян. По инициативе настоятеля, в школе преподавались как церковные, так и светские науки. О. Игнатий внимательно наблюдал за процессом преподавания.

Служение в Санкт-Петербургской епархии: труды и искушения

Время служения святителя Игнатия в Санкт-Петербургской епархии характерно тем, что ему постоянно приходилось сообщаться с внешним миром, как церковным, так и светским.

Поначалу высшее общество просто интересовалось новым настоятелем Сергиевой пустыни. Его помнили блестящим офицером ни с того ни с сего бросившим карьеру и ушедшим в монахи. Поначалу многие ехали в Сергиеву пустынь просто из любопытства. Так что архимандриту Игнатию приходилось подчас прибегать к юродству, дабы избавиться от назойливых посетителей.

Но затем и высшее общество, и другие сословия разглядели в настоятеле Сергиевой пустыни духоносного наставника, способного утешить душу утомленную и пресыщенную суетной жизнью. Многие стремились попасть на исповедь к о. Игнатию, дабы облегчить душу и получить совет, как правильно строить свою жизнь, и мирскую, и духовную. При этом сам архимандрит Игнатий, бескомпромиссный христианин, смотрел на все с духовной точки зрения.

Так однажды в Сергиеву пустынь приехала знаменитая красавица того времени, фрейлина царского двора Варвара Нелидова. Как раз в это время она обратила на себя внимание императора. Ввиду ожидавшего ее падения она обратилась к архимандриту Игнатию за советом, а на самом деле ища успокоения совести. При этом она сообщила, что духовник государя заверил ее, что в этом ничего особенно грешного нет. Вопреки ожиданиям Нелидовой, архимандрит Игнатий, ссылаясь на слово Божие, показал ей, что высота внешнего положения человека, впадающего в подобный грех, лишь усиливает тяжесть греха, а никак не оправдывает ни одну из согрешающих сторон. Нелидова уехала из обители весьма недовольная о. Игнатием, но впоследствии изменила свое мнение.

Однако другие высокопоставленные посетители в случае такого бескомпромиссного ответа могли затаить вражду и при случае вредили архимандриту Игнатию. Иногда светские недоброжелатели о. Игнатия доходили до прямых оскорблений. Со слов самого святителя, известен случай, когда однажды он сел в карету, чтобы ехать в Александро-Невскую лавру к духовнику, некто из великосветской публики, гостившей в обители, произнес: «К любовнице едет». Причем все было сказано так громко, что архимандрит Игнатий не мог не услышать.

Желая уберечь архимандрита Игнатия от подобных выходок, преданный келейник Игнатий (Малышев) после приема очередного посетителя говорил своему настоятелю: «Зачем, батюшка, сказали то или это? Вот и будут делать об вас ложные заключения». Но на такие предостережения архимандрит Игнатий только рукой махнет и скажет: «Я не светский человек, не умею рассчитывать».

Но при строгом соблюдении христианских заповедей и проповеди духовной жизни архимандрит Игнатий был совершенно чужд лицемерного благочестия и так же наставлял своих духовных чад. Так, у одной его племянницы и одновременно духовной дочери была привычка, как и у многих, идя в церковь, надевать скромное, темное платье. О. Игнатий этого не одобрял. «Зачем это? – говорил он. – Разве ты думаешь, что Богу приятнее видеть тебя в черном платье, нежели в обыкновенном? Или думаешь, что, переодевшись, ты сделаешься ближе к Богу, достойнее?»

Но не только мир требовал служения святителя Игнатия, в 1838 году он был назначен на должность благочинного над всеми монастырями Санкт-Петербургской епархии. В подчинении архимандрита Игнатия оказалось шесть мужских и один женский монастырь.

Наблюдение за монастырями требовало от о. Игнатия много энергии и доставляло ему множество неприятностей. Практически во всех монастырях своего благочиния архимандрит Игнатий постепенно поставил настоятелей из лучших иноков Сергиевой пустыни. Получив правильное направление в монашеской жизни, его ученики явились достойными настоятелями монастырей.

Особенно много трудов пришлось понести архимандриту Игнатию по упорядочению жизни древнего Валаамского монастыря. В то время на Валааме были большие нестроения. Архимандрит Игнатий часто бывал в Валаамском монастыре, подолгу беседовал с его насельниками и поэтому как никто другой знал внутреннюю жизнь обители. В настоятели Валаамской обители он рекомендовал аскета-подвижника, скитского монаха Дамаскина. Святейший Синод одобрил выдвинутую архимандритом Игнатием кандидатуру. Впоследствии о. Дамаскин вполне оправдал доверие архимандрита Игнатия.

Из-за болезненности архимандриту Игнатию было трудно справляться с должностью благочинного монастырей. Он неоднократно просил духовное начальство освободить его от этой должности, и, возможно, эта просьба была бы удовлетворена, если бы не вмешательство светской власти: поскольку было видно, что, находясь на этой должности, архимандрит Игнатий приносил великую пользу, возрождая духовную жизнь в Петербургской епархии. От его духовного взора не могли укрыться недостатки монашества того времени, и он, видя их, старался советами, увещаниями, а иногда и строгими мерами искоренить их.

Однако служение о. Игнатия в Санкт-Петербургской епархии было временем не только преуспевания, но и тяжких искушений. Успехи архимандрита Игнатия, его быстро растущая известность и благосклонность к нему императора привели к тому, что у святителя появилось множество завистников и недоброжелателей. На него стали наговаривать, возникли интриги, а затем и вовсе непрерывные притеснения. Вот как писал об этом сам архимандрит Игнатий: «Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета; здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унижительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования, как бессловесное животное, как истукан бесчувственный; здесь я увидел врагов, дышащих непримиримой злобой и жаждой гибели моей».

Даже некоторые предстоятели Санкт-Петербургской епархии смотрели на о. Игнатия неблагоприятно. В результате этого они не пресекали происки недоброжелателей, пытавшихся добиться перемещения архимандрита Игнатия в какую-либо из отдаленных епархий. Было время, когда святителя даже хотели «сослать» в Соловки. В Синоде был поднят вопрос об этом, и если бы не решительное вмешательство Псковского архиерея, то архимандрит Игнатий был бы перемещен в Соловки. Протестуя против этого перемещения, Владыка Гедеон сказал: «Мы хотим похвалу и украшение нашего монашества сослать по каким-то темным изветам и, подобно Синедриону, приговорить праведника к казни за то, что он по отношению к нам действует не согласно с нашими понятиями, не ждет нас по несколько часов в прихожей, когда не застает дома, и делает тому подобные оскорбления нашему понятию о нашем достоинстве, понятию, которое не сходится с его понятиями о его обязанностях относительно нас».

Члены Синода, пристыженные словами Псковского Владыки, оставили архимандрита Игнатия в Сергиевой пустыни.

Прошение об удалении на покой: отпуск и возвращение в Сергиеву пустынь

Узнав обо всех этих интригах и ничуть не дорожа своей должностью и положением, архимандрит Игнатий в 1847 году подает прошение об увольнении на покой. Вот как писал об этом он сам: «Отпустите меня, отпустите больного, ни к чему не способного! Обрету себе, удаленный от шума столичного, удаленный от градов и весей, малоизвестный приют, уединенный и тихий; там, в одиночестве, довлечу до гроба дни мои. Болезненность моя делает тишину уединения необходимой для меня».

Свою просьбу об увольнении архимандрит Игнатий с полной решимостью подтвердил и в рапорте в духовную консисторию. Прошение было рассмотрено Святейшим Синодом, некоторые члены которого склонялись к тому, чтобы удовлетворить просьбу отца-архимандрита, но вмешательство императора привело к тому, что вместо увольнения на покой архимандриту Игнатию был предоставлен отпуск с пребыванием в Николо-Бабаевском монастыре.

Летом 1847 года архимандрит Игнатий прибыл в Николо-Бабаевский монастырь. Ему отведены были кельи, состоявшие из четырех маленьких комнат, в отдельном мезонине над кельями настоятеля. Помещение это было весьма удобно для безмолвия. С одной стороны, из окон кельи открывался величественный вид на Волгу. Здесь архимандритом Игнатием был написан ряд писем с духовными советами к разным лицам, в числе их к некоему иноку Леониду, озаглавленных так: «К иноку, занимающемуся умным деланием». Здесь написана была статья «Бородинский монастырь», которая не вошла в собрание сочинений. Здесь же была начата книга «Последование Христу». Своим пребыванием в Николо-Бабаевской обители архимандрит Игнатий был так доволен, что просил о продлении отпуска еще на пять месяцев.

Лишь по послушанию архимандрит Игнатий возвратился в Сергиеву пустынь в 1848 году. Братия Сергиевой пустыни и все духовные чада о. Игнатия были очень рады возвращению своего наставника. И вновь он был вынужден приступить к обязанностям настоятеля Сергиевой пустыни, где прослужил еще почти десять лет.

По-прежнему архимандрит Игнатий был оставлен и в должности благочинного. Здесь пришлось ему особенно потрудиться. Именно на этот период приходится сложнейшее «дело помещика Страхова», беспрецедентное не только в церковной, но и в общей юридической практике того времени. Дело это длилось очень долго.

Суть его «заключается в многолетней тяжбе крепостных крестьян и помещика, подполковника Страхова, возникшей вследствие жалобы крестьян на непомерное обременение их работами, на насильственное заключение браков, с розгами при церковных дверях. В деле этом принимали участие приходской священник Александр Ивановский и другие духовные лица. Дело полно возмутительных фактов». Священник Александр Ивановский был посажен в тюрьму за подстрекательство крестьян к возмущению, а помещика оправдали. В 1851 году было назначено новое следствие по делу. Представителем от Духовного Ведомства был назначен архимандрит Игнатий. На следствии представители власти вновь стали на стороне помещика. Архимандрит Игнатий один выступил против Страхова. В записке на 133 листах архимандрит обстоятельно доказал во всем виновность помещика. Что же касается священника Александра Ивановского, то его архимандрит сумел защитить, доказав его невиновность. В архивных документах об этом деле говорится, что архимандрит Игнатий сумел оправдать священника и доказать невиновность крестьян. Решением суда Страхов приговорен был к штрафу, остальные же все реабилитированы. Важно то, что архимандрит один сумел повернуть все дело и помочь беззащитным.

Архиерейская хиротония

Но несмотря на успешную деятельность и по благочинию, и в Сергиевой обители, архимандрит Игнатий продолжал усиленно проситься на покой и искать для себя место уединения. Для этого он в 1853 году побывал в Оптиной пустыни и просил у настоятеля и старцев разрешения поселиться у них в скиту, но получил отказ.

Вопреки его надеждам, его ждал не покой и уединение, а новое, более обширное поприще духовной деятельности. В 1856 году скончался митрополит Санкт-Петербургский Никанор. На кафедру Санкт-Петербургской митрополии был переведен митрополит Григорий (Постников), один из друзей и почитателей архимандрита Игнатия. Митрополит Григорий уже давно считал, что архимандрит Игнатий должен послужить Церкви в святительском чине. Поэтому, став епархиальным архиереем архимандрита Игнатия, он решил всячески этому способствовать. Одновременно наместник Кавказский Николай Николаевич Муравьев-Карский хлопотал о назначении на Ставропольскую кафедру достойного архиерея. Его выбор также пал на архимандрита Игнатия.

Узнав о желании Кавказского наместника, митрополит Григорий предложил в Синоде кандидатуру архимандрита Игнатия. Несмотря на некоторое противодействие, выраженное в замечании, что «архимандрит Игнатий не учился в Духовной академии», в целом кандидатура архимандрита Игнатия, как будущего епископа Кавказского и Черноморского, была одобрена Синодом. Также было получено Высочайшее соизволение от императора. Сам архимандрит Игнатий принял решение Святейшего Синода с монашеским послушанием, как выражение промыслительной воли Божией.

23 октября 1857 года в Святейшем Синоде, при значительном стечении народа, прошло наречение архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского. Епископская хиротония святителя Игнатия состоялась 27 октября в Казанском соборе. На другой день новопоставленный епископ совершил литургию в лаврской Крестовой церкви и затем три дня следующего месяца провел в Сергиевой пустыни. 3 ноября, в воскресный день, епископ Игнатий отслужил в пустыни Божественную литургию, участвовал на общей братской трапезе и, простившись со всеми, окончательно оставил Сергиеву пустынь. Он переехал в Александро-Невскую лавру.

25 ноября епископ Игнатий оставил Петербург и отправился в свою епархию. При этом следует заметить, что когда святитель Игнатий уезжал на Ставропольскую кафедру, то у него не оказалось собственных средств на дальнюю дорогу. Он вынужден был просить денег у одного из своих духовных чад.

Деятельность святителя на Кавказе

4 января 1858 года святитель Игнатий прибыл в свой кафедральный город Ставрополь. На месте нового назначения Владыку ожидали многие труды, требовавшие настойчивости, мудрости, рассудительности, неисчерпаемых духовных и телесных сил. Дело в том, что Кавказская кафедра была учреждена лишь в 1843 году. За пятнадцать лет существования епархии дела в ней так и не были приведены в надлежащий порядок. Кроме того, один из предшественников святителя Игнатия вступил в конфликт с Кавказским линейным казачьим войском, вследствие этого Кавказское линейное начальство ходатайствовало об изъятии линейного казачьего населения из ведомства епархиального архиерея и о передаче в ведение обер-священника Кавказской армии.

Архиерейского дома не было, была лишь небольшая хижина, за четырнадцать лет до этого подаренная купцом Волобуевым. Близ этого домика была построена небольшая каменная церковь. Поэтому по приезде в Ставрополь святитель Игнатий вынужден был снять квартиру в доме купца Стасенкова.

Монашеская братия, приписанная к архиерейскому дому, была в столь же плачевном состоянии. Как писал об этом сам святитель Игнатий, «монашествующая братия (архиерейского) дома ежедневно ходила по городу, ища себе обеда и ужина, ибо в (архиерейском) доме, по его бедности, не было требуемой правилами иноческой трапезы».

Существующие материальные проблемы усугублялись тем, что с момента поступления на кафедру Владыки Игнатия Синод значительно сократил финансовое обеспечение Ставропольского епископа. Святитель получал жалование гораздо меньшее, нежели ректор и инспектор Ставропольской семинарии. Но за несколько лет своего пребывания на Кавказской кафедре он смог существенно улучшить материальное состояние епархии.

Так, не желая соблазнять монашескую братию проживанием на частной квартире, он изыскивает средства для строительства нормального архиерейского дома. Он лично разработал проект дома и план строительства. Год спустя в Ставрополе был уже новый архиерейский дом, по отзывам современников, «не чуждый изящества».

Одновременно со строительством архиерейского дома святитель Игнатий начинает административную работу. Особенно много трудов требовалось для улучшения работы духовной консистории. Особое внимание он уделял подбору сотрудников. И вскоре работающая под непосредственным наблюдением Владыки консистория аккуратностью и тщательностью превзошла даже государственные канцелярии Ставрополя. Помимо обычных ведомостей святитель Игнатий распорядился также составить ведомость нерешенных дел и докладывать о них ему лично.

Также внимательно он следил и за деятельностью епархиальных благочинных – всего в Кавказской епархии было 18 благочиннических округов, впоследствии Владыка Игнатий открыл еще два. Для тесного контакта с благочинными святитель Игнатий предоставил им возможность обращаться к нему кроме официальных рапортов с конфиденциальными донесениями. Эта мера позволила святителю более ясно понять проблемы и нужды своей паствы.

Тесно общался святитель Игнатий и с рядовыми священнослужителями. Принимая приехавших в Ставрополь священников, Владыка подолгу беседовал с ними. Подробно расспрашивая их обо всех трудностях приходской жизни, выяснял недоумения, давал основанные на авторитете святых отцов советы. В общении с духовенством святитель Игнатий всегда старался избегать излишнего формализма.

Для воспитания достойных пастырей святитель Игнатий неустанно следил за духовной жизнью и за материальными нуждами Ставропольской семинарии, которая ко времени вступления святителя на кафедру была в запущенном состоянии. Не имея своего помеще-

ния, семинария ютилась в нескольких частных домах. Лишь к 1860 году Владыке Игнатию удалось отстроить приличное здание для семинарии.

Но главной его заботой в этом плане было духовное состояние учащихся и учащихся. По мысли святителя Игнатия, духовные учебные заведения должны быть подобны монастырям, поэтому свое отношение к семинарскому начальству он строил на началах монастырской жизни: на взаимной откровенности, послушании младших старшим и преданности порученному делу. Жизнь воспитанников, по мнению святителя, должна быть строго христианской, в семинарии они должны приобретать твердые навыки в благочестии и хорошо знать богослужение и любить его. Однако эти навыки должны быть воспитаны личным примером, духовным авторитетом, а никак не насилием над учащимися, поэтому святитель Игнатий сделал следующее распоряжение: «Наказание заушениями, дранием за волосы и за уши да будет извергнуто из духовных училищ. В ту минуту, когда воспитатель собственноручно наказывает воспитанника, в эту жалкую минуту человечество терпит нравственное унижение и в лице воспитанника, и в лице воспитателя. Но в лице воспитателя такое унижение несравненно глубже, нежели в лице воспитанника. Воспитатель такими действиями лишает себя уважения воспитанников, их любви и доверенности. Высокий, благородный характер воспитателя есть главнейшая узда и гроза для воспитанников... Благочестивый и благонамеренный воспитатель должен положить себе за правило не прибегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим мудрецам. Наказание да будет плодом зрелого, беспристрастного суждения, только при этом условии оно благотворно для детей и возвышает в мнении их воспитателя». При этом умеренность и кротость в наказании семинаристов не была попустительством: в том случае, если ученик не соответствовал христианскому духу, Кавказский Владыка не останавливался даже перед исключением.

Часто святитель Игнатий приглашал к себе воспитанников старших классов на беседы. В откровенных разговорах с семинаристами святитель раскрывал им глубину догматов веры и их тесную связь с нравственной жизнью.

За время своего пребывания на кафедре святитель Игнатий дважды объехал свою епархию – в 1858 и в 1859 годах. Стараясь быть ближе к пастве, он входил во все нужды местного населения, особое внимание уделяя национальным меньшинствам. Представителей этих народов он старался привлечь в семинарию и даже за короткий срок пребывания на Кавказской кафедре смог подготовить и рукоположить их в священный сан.

Полемика с А.И. Герценом

Но не только делами Кавказской епархии был занят святитель Игнатий. В это время он вынужден был вступить в полемику с А.И. Герценом.

Тогда в обществе повсеместно обсуждалась подготовка освобождения крестьян от крепостной зависимости. Как христианин и как епископ, святитель Игнатий не мог не остаться в стороне от обсуждения этого важного вопроса. Основываясь на святоотеческом понимании подлинной свободы и одобряя желание государя облегчить положение крестьян, святитель Игнатий предостерегал от увлечения свободой внешней, социально-правовой. Он высказал свой взгляд твердо, невзирая на мнения, распространяемые в печати.

Он напечатал обращение к кавказскому духовенству (от 17 января 1859 года), а затем другое, более подробное обращение (от 6 мая 1859 года). Целью ставилось и предостережение общества от возможных крестьянских волнений. В частности, святитель Игнатий писал: «Пастыри, научайте как помещиков, так и крестьян, которые будут обращаться к вам за советами, чтобы они в кротости духа, в благочестивом самоотвержении обращались с частыми молитвами к Богу, умоляя Его благостыню, да дарует мудро задумать, обработать, совершить великое отечественное дело, долженствующее возвести государство на высшую ступень благоденствия. Научайте овец Христовых, чтобы они паслись на пажити Христовой, то есть постоянно питали душу учением Христовым, которое заповедует тщательно и постоянно сохранять любовь, взаимный мир, милосердие, благость, которое отвергает все страсти, в какое бы благовидное облачение и покров ни одевались эти страсти для обольщения человека. Обратите все внимание ваше, чтобы в деле духовная сторона его, самим законом Божиим, самим священным призванием порученная вам, сохраняла свое достоинство, ясно указанное ей Евангелием. Благочестивое и благоугодное направление душ, которое вы будете питать и поддерживать, несомненно, подействует благотворительно и на вещественную сторону дела. Вместе с этим тщательно сторонитесь не только вмешательства в гражданские распоряжения и всякого суждения о них, но и всяких, даже частных, как бы конфиденциальных бесед и советов о вещественной стороне дела». Из этого отрывка видно, что святитель Игнатий придерживается традиционно церковной точки зрения, высказанной Господом в Евангелии: *Кто поставил Меня судить или делить вас?* (Лк. 12: 14).

В ответ, издаваемая в Лондоне русскими иммигрантами газета «Колокол» опубликовала оскорбительную статью А.И. Герцена «Во Христе сапер Игнатий». В данной статье Герцен называл святителя Игнатия «наставителем московских Магдалин», обвинял его в «христолюбивом доносе на архимандрита Казанской Духовной академии Иоанна» и утверждал, что святитель Игнатий считает, «что рабство в России учреждено самим Богом, что христианин должен только терпеть и не смеет даже думать об освобождении».

Сам святитель Игнатий, хотя и тяжело переживал свою вовлеченность в эту полемику, однако не считал возможным отвечать на пасквиль подобного уровня. Но сотрудники его по Ставропольской епархии, тем не менее, ответили Герцену в печати, обстоятельно опровергнув его клевету на святителя. К сожалению, невольное участие в этой истории окончательно подорвало силы святителя Игнатия, незадолго до того перенесшего тяжелую болезнь.

Удаление на покой в Николо-Бабаевскую обитель

Чувствуя окончательное изнеможение сил телесных, святитель Игнатий 24 июля 1861 года подал рапорт в Святейший Синод, прося уволить его на покой в Николо-Бабаевский монастырь. Указом от 5 августа 1861 года святитель Игнатий был уволен на покой, и ему был предоставлен в управление Николо-Бабаевский монастырь.

При отъезде из Ставрополя, так же как и прежде из Петербурга, у святителя не было собственных де нежных средств; он должен был опять прибегнуть к посторонней помощи, чтоб рассчитаться с некоторыми долгами и покрыть путевые издержки. В Николо-Бабаевский монастырь святитель Игнатий приехал 13 октября 1861 года. С ним приехали: игумен Иустин, иеромонах Каллист, иеромонах Феофан и несколько послушников.

В то время Николо-Бабаевская обитель пребывала в достаточно тяжелом состоянии. В монастыре было всего 67 рублей денег и две тысячи долгу. Не было хлеба, дров, сена. Многие монастырские здания обветшали и нуждались в срочном ремонте, особенно в запущенном состоянии были келейные корпуса. Соборный храм также находился в аварийном состоянии. Прежний настоятель обители незадолго до того перевелся в другой монастырь, так что обитель находилась в расстройстве и запустении.

Тем не менее, святитель Игнатий писал своему другу, схимонаху Михаилу Чихачеву: «Никогда в жизни моей я не был так доволен моим положением, как доволен им теперь. Кажется, мой Ангел Хранитель, по повелению Божию, продиктовал Святейшему Синоду указ о мне, так как этот указ удовлетворяет требованиям моего душевного настроения и телесного здравия».

С мудрой осторожностью принял святитель Игнатий за возрождение Бабаевской обители. Своим наместником сделал он игумена Иустина, благочинным монастыря был назначен иеромонах Каллист, а иеромонах Феофан сделан вторым духовником. Им всем предстояло сделать очень многое. Чин богослужения, порядки келейного жительства, братская трапеза и жилища – все было улучшено. Под руководством игумена Иустина был устроен хороший монастырский хор.

Некоторое время спустя, весной следующего года в обители начался капитальный ремонт. Были перестроены кельи, предназначенные для самого святителя Игнатия, также капитально отремонтирован был весь братский корпус. Была отремонтирована и меблирована монастырская гостиница, расположенная рядом с обителью. Так как на это требовались значительные средства, всю свою пенсию святитель Игнатий отдавал на нужды монастыря.

Чтобы обеспечить монастырь собственным хлебом, на восьмидесяти десятинах монастырской земли было заведено правильное хлебопашество. Поскольку земля была болотисто-песчаной, прорыты каналы для осушки болот, и чрез них болотная вода спущена в Волгу. Также было улучшено и остальное монастырское хозяйство.

Следующим этапом преобразования Николо-Бабаевской обители стало храмостроительство. Это было необходимо, поскольку с поселением в обители святителя Игнатия резко возрос поток богомольцев, желающих посоветоваться с великим старцем. А Никольский храм был очень мал, храм же во имя Иверской иконы Божией Матери находился в аварийном состоянии.

Для сооружения просторного храма были нужны значительные средства. Благодаря духовному авторитету святителя Игнатия быстро нашелся жертвователю – строитель-подрядчик ярославский, мещанин Федотов, пообещавший все строительные работы исполнить своими рабочими безвозмездно и пожертвовать для начала 1000 рублей. Святитель Игнатий вызвал из Санкт-Петербурга знакомого ему архитектора, профессора Академии художеств И.И. Горностаева, и поделился с ним своими идеями. В результате был составлен проект

величественного храма. Также было получено разрешение Святейшего Синода на разбор ветхого Иверского храма.

С понедельника второй недели Великого поста началась разборка старого храма; дело шло быстро, кирпич заготавливался на заводах, устроенных при монастыре, добывался на месте дикий камень, который пошел в цоколь здания, распланирована была местность, так как новый храм воздвигался немного далее вглубь берега, размеры фундамента обозначены; твердый грунт не требовал свайных укреплений; предполагено было с наступлением весны приступить к сооружению здания; ждали утверждения проекта, которое замедлилось. Министр путей сообщения находил, что архитектурные линии в нем слишком смелы, чтобы могли быть благонадежно исполнены; только по личным объяснениям архитектора Горностаева министерство согласилось на утверждение.

Как писал Владыка своему брату: «Над построением храма Богоматери очевиден перст Богоматери. Даруется человекам, труждающимся в деле, помощь; вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтобы очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтобы оно было совершено в богомудром смиренномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом». К сожалению, несмотря на все труды и понесенные хлопоты по строительству этого храма, святитель Игнатий так и не дожил до его освящения.

Последние годы

Поселившись в Николо-Бабаевском монастыре, святитель Игнатий лишь в хорошую погоду ненадолго покидал стены обители, выезжая на прогулки по окрестностям. Обычно в те дни, когда он не служил, святитель вставал около шести часов утра и затем, прочитав келейное правило, около семи часов утра садился пить чай. Сам он говорил об этом так: «Вот что значит старость: не напившись чаю, и Богу не способна помолиться».

С девяти часов святитель Игнатий обычно или шел в церковь, или принимался за дела – осматривал производившиеся строительные работы или принимал посетителей. Иногда, чтобы побеседовать со святителем о духовной жизни, люди приезжали издалека. Но большей частью посетителями его были местные жители, они обращались к Владыке не столько с духовными, сколько с житейскими вопросами. Крестьяне, обремененные различными нуждами, приходили к святителю Игнатию просить о помощи. И он никогда не отказывал им ни в денежной помощи, ни в совете, ни даже в лечении. Прием посетителей обычно заканчивался после полудня. После вечерни и до восьми часов вечера святитель Игнатий возобновлял прием посетителей.

Почти все остальное время до вечера святитель Игнатий посвящал литературным трудам, поскольку, лишь живя на покое, он получил возможность тщательно просмотреть все написанное им и подготовить к изданию. До этого все его время уходило на служебные обязанности, так что попытки издать свои сочинения приводили лишь к конфликту с духовной цензурой. В последние годы жизни святителю Игнатию удалось найти деятельных помощников, способствовавших изданию его сочинений. Духовные чада занимались корректурой творений святителя, а брат Петр Александрович, к тому времени оставивший службу, взял на себя всю практическую сторону этого дела – договоренность с издательствами и цензурой.

Не останавливаясь на достигнутом, святитель Игнатий уже в Николо-Бабаевской обители продолжил написание духовных творений. Вообще, в это время он считал духовное писательство главным своим послушанием, не завершив которого он не мог и умирать. Вот как писал он об этом одному из своих помощников: «Не бойтесь, я не умру до тех пор, пока не кончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя действительно так ослабел и изнемог в телесных силах, как это вам кажется».

Однако даже в это время он не считал себя вправе уклоняться от духовного общения с братией Николо-Бабаевской обители. Он регулярно проводил духовные беседы с братией, а особенно с новоначальными послушниками, толкуя им Священное Писание и наставляя их в монашеских добродетелях.

Так, в мире Христовом спокойно протекала жизнь бабаевского затворника. Все окружающие привыкли видеть святителя постоянно больным, но при этом занятым работой за письменным столом или молитвенным подвигом. Лишь самые близкие помощники догадывались о скорой кончине святителя Игнатия.

Кончина святителя Игнатия

Наступил 1867 год. Святитель Игнатий настолько ослабел телесно, что все приезжавшие к нему замечали это. При этом духовно он был бодр. Весьма вероятно, он был заранее предуведомлен о времени своей кончины.

В день светлого Христова Воскресения, 16 апреля 1867 года, святитель Игнатий совершил литургию, но так утомился, что келейники с трудом довели его до кельи. Ему нужен был получасовой отдых, чтобы собраться с силами и принять пищу. В этот день он объявил окружающим, чтоб после вечерни никто его не беспокоил, ибо с этого часа дня он никого принимать не будет, объявив причиной этого распоряжения «необходимость свою готовиться к смерти». В последующие затем дни святитель чувствовал себя все слабее, но при этом лицо его выражало все большее умиление, иногда прямо светилось радостью, что поражало всех.

В это время из Петербурга прислали только что напечатанные третий и четвертый тома его творений. Увидев их, святитель Игнатий перекрестился, сказал: «Слава Богу!», но не проявил никакого интереса. Объясняя архимандриту Иустину свое духовное состояние, святитель говорил, что потерял всякий интерес ко всему земному, потерял даже внимание ко вкусу пищи, причем прибавил: «Я долго не потяну».

30 апреля, в воскресенье недели жен-мироносиц, к семи часам утра келейник Василий, войдя в келью святителя, нашел орлец не убраным пред иконами, что случалось очень редко – большей частью святитель Игнатий, всегда употреблявший его при келейном правиле, сам убирал его. Умывшись, он, по обычаю, выпил Богоявленской воды и вышел в столовую комнату пить чай. Выпив две чашки чаю, он поспешил в свою внутреннюю келью. Около девяти часов, пред самым благовестом к поздней литургии, Василий, войдя к нему с обычной молитвой, нашел святителя Игнатия лежащим на кровати, на левом боку, лицом к стене. Видя, что Владыка, всегда очень чуткий, не обращает внимания на вход его, келейник сначала приписал это особенно углубленному молитвенному деланию, что иногда с ним случалось. Постояв несколько, Василий повторил молитву, но ответа не было. Вглядываясь пристальнее, он заметил, что святитель уже скончался. Голова его, лежавшая на подушке, была несколько наклонена вперед, ладонь левой руки воздета кверху, как бы в молитве, правая рука, опущенная вдоль тела на кровать к стороне стены, лежала близ раскрытого канонника. Смерть, придя к святителю, застала его ум занятым молитвословием. Начав молитву на земле, угодник Божий продолжил ее на небе.

Прославление и обретение мощей святителя Игнатия

Епископа Кавказского Игнатия (Брянчанинова) еще при жизни почитали как аскета и духовного писателя. По кончине его почитание продолжилось. Более того, почитатели были уверены в том, что, перейдя в вечность, святитель Игнатий не оставил их молитвенным попечением. Об этом свидетельствовали и посмертные явления святителя. Вот примеры таких явлений.

Явление епископа Игнатия А.В. Жандр, на 20-й день по кончине его, 1867 года 19 мая

«Тяжелая скорбь подавила все существо мое с той минуты, как дошла до меня весть о кончине Владыки. Скорбь эта не уступала и молитве: самая молитва была растворена скорбью, невыносимую, горькою. Ни днем, ни ночью не покидало сердца ощущение духовного сиротства. И душа, и тело изнемогли до болезни. Так прошло время до двадцатого дня по кончине Владыки. На этот день я готовилась приобщиться Святых Тайн в одном из женских московских монастырей.

Так сильно было чувство печали, что даже во время таинства исповеди не покидало оно меня, не покидало оно меня и во время совершения Литургии. Но в ту минуту, как Господь сподобил меня принять Святые Тайны, внезапно в душу мою сошла чудная тишина, и молитва именем Господа нашего Иисуса Христа, живая, ощутилась в сердце. Так же внезапно, для меня самой непонятно, печаль о кончине Владыки исчезла.

Прошло несколько минут, в течение которых я отошла на несколько шагов от Царских врат и, не сходя с солеи, стала, по указанию матери игумении, на левый клирос прямо против иконы Успения Божией Матери. В сердце была молитва, мысль в молчании сошла в сердце, и вдруг, пред внутренними глазами моими, как бы также в сердце, но прямо против меня у иконы Успения, возле одра, на котором возлежит Царица Небесная, изобразился лик усопшего святителя – красоты, славы, света неописанных! Свет озарял сверху весь лик, особенно сосредоточиваясь наверху главы. И внутри меня, опять в сердце, но вместе и от лика, я услышала голос, мысль, поведение, – луч света, ощущение радости, проникнувшее все мое существо, – которое без слов, но как-то дивно передало моему внутреннему человеку следующие слова: «Видишь, как тебе хорошо сегодня. А мне без сравнения так всегда хорошо, и потому не должно скорбеть о мне».

Так ясно, так отчетливо я видела и слышала это, как бы сподобилась увидеть Владыку, слышать от него лицом к лицу. Несказанная радость объяла всю душу мою, живым отпечатком отразилась на лице моем так, что заметили окружающие. По окончании Литургии начали служить панихиду. И какая это была панихида! В обыкновенных печальных надгробных песнопениях слышалась мне дивная песнь духовного торжества, радости неизглаголанной, блаженства и жизни бесконечных. То была песнь воцерковления вновь перешедшего из земной, воинствующей Церкви воина Христова в небесную Церковь торжествующих в не вечерней славе праведников. Мне казалось, что был Христов день, таким праздником ликовало все вокруг меня, и в сердце такая творилась молитва.

Вечером того же дня я легла в постель: сна не было. Около полуночи, в тишине ночи, откуда-то издали донеслись до слуха моего звуки дивной гармонии тысячи голосов. Все больше и больше приближались звуки: начали отделяться ноты церковного пения ясно, наконец стали определительно, отчетливо выражаться слова... И так полно было гармонии это пение, что невольно приковывалось к нему все внимание, вся жизнь... Мерно гудели густые басы, как гудит в пасхальную ночь звон всех московских колоколов, и плавно сливался этот гул с мягкими, бархатными тенорами, с серебром рассыпавшимися альтами, и весь хор казался одним голосом – столько было в нем гармонии. И все яснее и яснее выделялись слова. Я отчетливо расслышала: «Архиереев богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало». И вместе с тем для самой меня необъяснимым извещением, без слов, но совершенно ясно и понятно, сказало внутреннему существу моему, что этим пением встречали епископа Игнатия в мире небесных духов.

Невольный страх объял меня, и к тому же пришло на память, что Владыка учил не внимать подобным видениям и слышаниям, чтобы не подвергнуться прелести. Усиленно

старалась я не слышать и не слушать, заключая все внимание в слова молитвы Иисусовой, но пение все продолжалось помимо меня, так что мне пришла мысль, не поют ли где на самом деле в окрестностях. Я встала с постели, подошла к окну, отворила его: все было тихо, на востоке занималась заря.

Утром, проснувшись, к удивлению моему, я припоминала не только напев, слышанный мною ночью, но и самые слова. Целый день, несмотря на множество случившихся житейских занятий, я находилась под необычайным впечатлением слышанного. Отрывками, непрерывно припоминались слова, хотя общая связь их ускользала из памяти. Вечером я была у всенощной: то была суббота – канун последнего воскресенья шести недель по Пасхе; канон Пасхи. Но ни эти песнопения, ни стройный хор Чудовских певчих не напоминали мне слышанного накануне: никакого сравнения нельзя было провести между тем и другим.

Возвратившись домой, утомленная, усталая, я легла спать, но сна опять не было, и опять, только что начал стихать городской шум, около полуночи, слуха моего снова коснулись знакомые звуки, только на этот раз они были ближе, яснее, и слова врезывались в памяти моей с удивительной последовательностью. Медленно и звучно пел невидимый хор: «Православия поборниче, покаяния и молитвы делателю и учителю изрядный, архиереев богодухновенное украшение, монашествующих славо и похвало: писаньми твоими вся ны целомудрил еси. Цевнице духовная, новый Златоусте: моли Слова Христа Бога, Егоже носил еси в сердце твоём, даровати нам прежде конца покаяние!»

На этот раз, несмотря на то, что я усиленно творила молитву Иисусову, пение не рассеивало внимания, а еще как-то неизъяснимым образом и моя сердечная молитва сливалась в общую гармонию слышанного песнопения, и сердце живо ощущало и знало, что то была торжественная песнь, которою небожители радостно приветствовали преставившегося от земли к небесным – земного и небесного человека, епископа Игнатия.

На третью ночь, с 21 на 22 мая, повторилось то же самое, при тех же самых ощущениях. Это трехкратное повторение утвердило веру и не оставило никакого смущения, запечатлело в памяти и слова тропаря, и тот напев, на который его пели, как бы давно знакомую молитву. Напев был сходен с напевом кондаков в акафистах. После, когда я показала голосом, какой слышала напев, мне сказали, что это осьмый глас».

Явление епископа Игнатия С.И. Снесаревой

«В 1867 году, 30 апреля, Преосвященный Игнатий скончался в Николаевском монастыре; я поехала на его погребение, совершавшееся 5 мая. Невыразима словом грустная радость, которую я испытала у гроба его.

В субботу, 12 августа 1867 года, ночью худо спала, к утру заснула. Вижу – пришел Владыка Игнатий в монашеском одеянии, в полном цвете молодости, но с грустью и сожалением смотрит на меня: «Думайте о смерти, – говорил он. – Не заботьтесь о земном! Все это только сон – земная жизнь, только сон! Все, что написано мною в книгах, все – истина! Время близко, очищайтесь покаянием, готовьтесь к исходу. Сколько бы Вы ни прожили здесь, все это – один миг, один только сон». На мое беспокойство о сыне Владыка сказал: «Это не Ваше дело; судьба его в руках Божиих! Вы же заботьтесь о переходе в вечность». Видя мое равнодушие к смерти и исполняясь сострадания к моим немощам, он стал умолять меня обратиться к покаянию и чувствовать страх смерти. «Вы слепы, ничего не видите и потому не боитесь, но я открою Вам глаза и покажу смертные муки». И я стала умирать. О, какой ужас! Мое тело стало мне чуждо и ничтожно, как бы не мое, вся моя жизнь перешла в лоб и глаза; мое зрение и ум увидели то, что есть действительно, а не то, что нам кажется в этой жизни. Эта жизнь – сон, только сон! Все блага и лишения этой жизни не существуют, когда наступает со смертью минута пробуждения. Нет ни вещей, ни друзей, – одно необъятное пространство, и все это пространство наполнено существами страшными, непостижимыми нашим ослеплением; они живут вокруг нас в разных образах, окружают и держат нас. У

них тоже есть тело, но тонкое, как будто слизь какая, ужасное! Они лезли на меня, лепились вокруг меня, дергали меня за глаза, тянули мои мысли в разные стороны, не давали перевести дыхания, чтобы не допустить меня призвать Бога на помощь. Я хотела молиться, хотела осенить себя крестным знамением, хотела слезами к Богу, произношением имени Иисуса Христа избавиться от этой муки, отдалить от себя эти страшные существа, но у меня не было ни слов, ни сил. А эти ужасные кричали на меня, что теперь уже поздно, нет молитвы после смерти!

Все тело мое деревенело, голова неподвижна, только глаза все видели, и в мозгу дух все ощущал. С помощью какой-то сверхъестественной силы я немного подняла руку, до лба не донесла, но на воздухе я сделала знамение креста, тогда страшные корчились. Я усиливалась не устами и языком, которые не принадлежали мне, а духом представить имя Господа Иисуса Христа, тогда страшные прожигались, как раскаленным железом, и кричали на меня: «Не смей произносить этого имени, теперь поздно!» Мука неопишанная!

Лишь бы на одну минуту перевести дыхание! Но зрение, ум и дыхание выносили невыразимую муку от того, что эти ужасные страшилища лепились вокруг них и тащили в разные стороны, чтобы не дать мне возможности произнести имя Спасителя. О, что это за страдание! Опять голос Владыки Игнатия: «Молитесь непрестанно, все истина, что написано в моих книгах. Бросьте земные попечения, только о душе, о душе заботьтесь». И с этими словами он стал уходить от меня по воздуху как-то кругообразно, все выше и выше над землею. Вид его изменялся и переходил в свет. К нему присоединился целый сонм таких же светлых существ, и все как будто ступенями необъятной, невыразимой словом лестницы.

Как Владыка по мере восхождения становился неземным, так и все присоединившиеся к нему в разных видах принимали невыразимо прекрасный, солнцеобразный свет. Смотря на них и возносясь духом за эту бесконечную полосу света, я не обращала уже внимания на страшилища, которые в это время бесновались вокруг меня, чтобы привлечь мое внимание к ним новыми муками. Светлые сонмы тоже имели тела, похожие на дивные, лучезарные лучи, пред которыми наше солнце – ничто.

Эти сонмы были различных видов и света, и чем выше ступени, тем светлее. Преосвященный Игнатий поднимался все выше и выше. Но вот окружает его сонм лучезарных святителей, он сам потерял свой земной вид и сделался таким же лучезарным. Выше этой ступени мое зрение не достигало. С этой высоты Владыка Игнатий еще бросил на меня взгляд, полный сострадания. Вдруг, не помня себя, я вырвалась из власти державших меня и закричала: «Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего Преосвященного Игнатия и святыми его молитвами спаси и помилуй меня, грешную!» Мгновенно все ужасы исчезли, настала тишина и мир. Я проснулась в жестоком потрясении.

Никогда ничего я не боялась и охотно оставалась одна одинехонька в доме, но после этого сна несколько дней я чувствовала такой ужас, что не в силах была оставаться одна. Много дней я ощущала необыкновенное чувство на середине лба: не боль, а какое-то особенное напряжение, как будто вся жизнь собралась в это место. Во время этого сна я узнала, что, когда мой ум сосредотачивается на мысли о Боге, на имени Господа нашего Иисуса Христа, ужасные существа мигом удаляются, но лишь только мысль развлекается, в тот же миг они окружали меня, чтобы мешать моей мысли обратиться к Богу и молитве Иисусовой».

Даже после революции, во время гонения на Церковь творения святителя Игнатия были для многих путеводной звездой в деле вечного спасения. И, наконец, в рамках подготовки празднования 1000-летия Крещения Руси историко-каноническая группа подготовила материал для общецерковного прославления святителя Игнатия.

Незадолго до прославления были обретены и мощи святителя. Вот как вспоминает об этом игумен Борис (Долженко).

Игумен Борис (Долженко) об обретении мощей святителя Игнатия (Брянчанинова)

В 1988 году состоялось прославление святителя Игнатия, и было решено поднять его мощи. Договорились с администрацией санатория. В храме, где находились мощи, располагались палаты с туберкулезными больными. При вскрытии присутствовали: Владыка Платон, протоиерей Владимир Пчелкин, протоиерей Михаил Перегудов и судмедэксперт Владимир Иванович Смирнов. Склеп был нарушен, так как при установке какой-то машины на месте, где были мощи, открыли склеп, потом засыпали и при этом все перемешали. Когда обретали мощи, то приходилось все просеивать. Мощи складывали на мантию Владыки Платона. Не нашли череп и большую кость ноги. Потом все положили в гроб и на машине отвезли на Толгу, где святые мощи встретили сестры обители и отнесли их в Спасский храм. Мощи снова закопали, и они находились год под спудом, а через год их достали и положили в раку. Ныне мощи святителя Игнатия (Брянчанинова) пребывают в Свято-Введенском Толгском женском монастыре.

* * *

Прославление святителя Игнатия состоялось на Юбилейном Поместном Соборе РПЦ в июне 1988 года.

Свято-Троицкая Сергиева пустынь

Свято-Троицкая Сергиева пустынь была основана в 1732 году архимандритом Троице-Сергиевой лавры Варлаамом (Высоцким).

Архимандрит Варлаам (в миру священник Василий Антипьевич Высоцкий) родился в 1665 году в подмосковном селе Домодедове и происходил из духовного сословия. Известно, что Василий Высоцкий с ранних лет стремился к монашеству, в юности он пришел в Борисо-Глебский Переславский монастырь и стал послушником при преподобном Корнилии. Но затем, по неизвестным обстоятельствам, оставил обитель, вступил в брак и был рукоположен во священники.

В 1692 или 1693 году о. Василий был переведен в Москву, в церковь Рождества Богородицы, что в Кремле. Через некоторое время о. Василий был уже первым священником в той же церкви. В это же время о. Василий становится духовником царевен Натальи Алексеевны, Екатерины Алексеевны и Марии Алексеевны, а также их невестки царицы Прасковьи Федоровны.

В начале XVIII века о. Василий, вероятно, овдовев, принимает постриг с именем Варлаама в Переславском Борисо-Глебском монастыре. Вскоре он был избран настоятелем этой обители. При этом он по-прежнему наезжает в Москву и продолжает общение с высокопоставленными духовными чадами. Есть предположение, что именно о. Варлаам наставлял в истинах Православия подругу императора Петра I Марту Скавронскую, и он же впоследствии в 1707 году совершил над ней чин присоединения к Православной вере. Ставшая

Екатериной Алексеевной Марта также избирает игумена Варлаама своим духовником.

Около 1709 года о. Варлаам был назначен настоятелем Свято-Троицкого Данилова монастыря в Переславле с возведением в сан архимандрита. Пребывая в Борисоглебском и Даниловском монастырях, о. Варлаам старался украсить и обновить старые храмы и воздвигнуть новые. Архимандрит Варлаам, как духовник высочайших особ, часто наезжает в Петербург, бывает в присутственных местах, в торжественных собраниях и при различных церемониях.

В 1726 году архимандрит Варлаам, по указу императрицы Екатерины I, назначен настоятелем Троицко-Сергиевой лавры. Настоятельство архимандрита Варлаама было благотельно для Лавры и оставило о нем добрую память, особенно в отношении ее внутреннего и внешнего благоустройства.

Примерно в это же время, хотя точная дата неизвестна, архимандрит Варлаам становится духовником Курляндской герцогини Анны Иоанновны. Известно лишь, что в описании ее коронации он уже упоминается как духовник.

Архимандрит Варлаам переехал в Петербург вслед за императрицей и поселился на Троицком подворье, построенном на месте, которое было пожаловано Лавре Петром I. Он был назначен в состав конференции Синода с Сенатом, но и в звании присутствующего члена Синода ни разу не был в его собрании и не подписывался под его протоколами. При дворе архимандрит Варлаам был весьма уважаем за строгую жизнь и благочестие.

Но пребывание в столице было тягостно для него. Тогда, в 1732 году, императрица Анна Иоанновна, по кончине сестры своей царевны Екатерины Иоанновны, подарила духовнику принадлежавшую царевне дачу на Петергофской дороге.

Этот подарок и положил начало Сергиевой пустыни. Архимандрит Варлаам устроил на даче церковь во имя преподобного Сергия и поселил при ней небольшую братию. Пустынь была приписана к Свято-Троицкой Сергиевой лавре, чем и было узаконено ее существование.

Для братии были построены деревянные кельи, а для настоятеля – каменный флигель. Все постройки были обнесены деревянной оградой. Также архимандрит купил три участка земли, прилегавших к территории дачи. На эти земли был переселены семь крестьянских семейств, принадлежавших Лавре.

25 июля 1737 года архимандрит Варлаам скончался, на 73-м году жизни, в Петербурге. Согласно его предсмертной воле, он был погребен в созданной им обители.

По кончине архимандрита Варлаама Сергиева пустынь около десятилетия пребывала в полном запустении и разорении. Это было связано с тем, что, будучи приписным монастырем, Сергиева пустынь не имела ни упорядоченного управления, ни сложившейся братии.

Так продолжалось до 1755 года, когда на обитель обратил внимание архимандрит Свято-Троицкой Сергиевой лавры Афанасий (Вольховский). Он пригласил знаменитого архитектора П.А. Трезини, который в 1756 году заложил в Сергиевой пустыни каменный пятиглавый соборный храм во имя Святой Троицы. Строительство продолжалось в течение семи лет, до 1763 года. Уже при преемнике архимандрита Афанасия, архимандрите Гедоне (Криновском), был построена церковь во имя преподобного Сергия и несколько келейных корпусов.

В 1764 году, согласно указу о секуляризации церковных земель и введении монастырских штатов, Троице-Сергиева пустынь получает независимость и признается второклассным штатным монастырем. 4 мая 1764 года из конторы Святейшего Синода последовал указ, в котором говорилось: «Состоящую при С.-Петербурге, по Петергофской дороге недавно построенную пустыню, за неимением при С.-Петербурге монастырей, приписать к С.-Петербургской епархии».

Этот период времени характерен тем, что в Троице-Сергиевой пустыни очень часто сменяются настоятели. Обычно настоятелями столичной обители назначались то ректоры семинарий, то ученые архимандриты, вызываемые в столицу для несения череды богослужения и проповеди, то законоучители разных учебных заведений. Занятые в столице, они не могли полноценно управлять обителью. И это неизбежно сказывалось на духовном состоянии братии.

В то же время период правления Екатерины II был достаточно благоприятен для Сергиевой пустыни в материальном плане. Поскольку у Екатерины II с Сергиевой пустынь были связаны незабываемые переживания. В дни государственного переворота 1762 года гвардейские войска под предводительством Екатерины II дошли в походе на Петергоф до монастыря и остановились за его стенами. В покоях настоятеля Екатерина дождалась ответ на свой ультиматум: император Петр III дал согласие на отречение от престола. В тот же час в пустыни состоялось самое первое богослужение по случаю счастливого исхода опасного предприятия. С тех пор Екатерина II щедро одаривала монастырь и ежегодно в памятный день справляла в его храме благодарственный молебен. Здесь же она хотела обрести и земное успокоение. В архивных источниках сохранилась ее записка следующего содержания: «Ежели умру в городе, положить меня в Александро-Невском монастыре, в Соборной церкви, мною построенной. Ежели в Царском Селе – на Софийском кладбище, у Казанской Богородицы. Буде в Петергофе – в Сергиевой пустыни».

Вместе с императрицей Троице-Сергиеву пустынь посещали и вельможи царского двора, устроившие в пустыни несколько храмов и благотворительных учреждений. Таким образом, к началу XIX столетия Троице-Сергиева пустынь внешне казалась довольно благоустроенной обителью.

С 1819 года при Петербургской митрополии был открыт викариат. Сергиева пустынь перешла в ведение викариев, епископов Ревельских, которые и управляли ею 15 лет – до 1834 года. За это время монастырские строения ветшали, а новые практически не возводились. В

монастыре была очень малочисленная братия, оставленная без настоятельского присмотра. Нравственность братии стояла на низком уровне.

Современники говорили, что монастырь находился в запустении.

В конце концов, на плачевное состояние Троице-Сергиевой пустыни обратили внимание светские власти. В 1834 году император Николай I вызвал из Лопотова монастыря игумена Игнатия (Брянчанинова), которого знал по учебе в инженерном училище, и поручил ему сделать из Троице-Сергиевой пустыни образцовый монастырь.

1 января 1834 года в Казанском соборе игумен Игнатий был возведен в сан архимандрита, а 5 января он прибыл в свою обитель в сопровождении друга – рясофорного инока Михаила Чихачева и келейника Иоанна Малышева – впоследствии преемника святителя Игнатия (Брянчанинова) в управлении Сергиевой пустынью.

Как уже говорилось, Сергиева пустынь была в то время в самом расстроенном состоянии. Практически все постройки нуждались в ремонте. Даже храм преподобного Сергия, расширенный в 1821 году. Настоятельские кельи зимой были закрыты и не отапливались, что привело их к быстрому разрушению. Впоследствии архимандрит Игнатий (Малышев) писал: «Настоятельские кельи были необитаемы, так что предместнику моему, вновь назначенному настоятелю архимандриту Игнатию, на первое время отведены были в Инвалидном доме графов Зубовых две кельи... В такой тесноте прожили мы полтора года. Прочие здания были в крайнем упадке: главный собор стоял в воде, деревянный пол его лежал на балках и сваях, а под полом, на полтора аршина, стояла вода... О кельях говорить нечего. Их было 12, каждая в сажень квадрата с подопрелыми стенами... Воспоминаний много, но все они унылы». В жизни братии также было много недостатков. В то время братии в пустыни было всего 12 человек. Все они не отличались добродетельной жизнью и высокой нравственностью.

Благом было то, что предшественники архимандрита Игнатия (Брянчанинова) – викарные епископы Санкт-Петербургской епархии – собрали достаточные суммы для ремонта обительских зданий. Также было закуплено до 400 000 штук кирпича. Поэтому, собрав все имеющиеся средства, архимандрит Игнатий приступил к внешнему украшению пустыни.

Настоятель составил проект работ в пустыни и получил разрешение на проведение его в жизнь. Здесь ему пригодились все познания, полученные в инженерном училище. Видя положительные результаты трудов настоятеля, государственное казначейство в 1835 году отпустило на ремонт Троицкого Собора 96 808 руб. 19 коп.

Успешно проводя строительные работы, архимандрит Игнатий одновременно предпринял ряд мер к улучшению ведения хозяйства, которое также находилось в запущенном состоянии. Земля, на которой был расположен монастырь, не имела ни одного межевого столба. Причем большей частью монастырских земельных владений незаконно пользовались крестьяне деревни Подмонастырской слободы. В 1835 году архимандрит подал прошение о восстановлении на монастырской земле межевых знаков и о скорейшем разборе прав на владение землей. Это дело тянулось несколько лет и было полностью разрешено лишь в 1840 году, причем часть земли пришлось уступить крестьянам.

Архимандрит Игнатий устроил монастырское хозяйство, прекратив отдачу в аренду небольшого участка земли, сохранявшегося во владении обители. Одновременно он обратился с рапортом в духовную консисторию Санкт-Петербургской епархии, прося наделить Сергиеву пустынь участком земли, пригодной для хлебопашества, а также небольшим участком леса, в пятьдесят десятин. Он смог добиться просимого. Так что в 1836 году в пустыни всей земли с лесными участками было 269 десятин. В монастырском саду росло 300 яблонь и 100 вишен.

Для развития монастырского хозяйства архимандрит Игнатий в 1838 году взял ссуду в фонде Комиссии Духовных Училищ. Выручил его и друг о. Михаил Чихачев, пожертвовавший Сергиевой пустыни свое наследство.

Были куплены необходимые для успешного ведения хозяйства лошади и коровы. Через несколько лет все было настолько налажено, что своего урожая монастырю хватало на целый год, а овес и сено в годы больших урожаев даже продавали. Масло и молоко в дальнейшем обитель не покупала, так как было достаточно своего. Монастырь в основном обеспечен был всем необходимым. Это позволило ему увеличить число братии.

Приводя в образцовый порядок строения и хозяйство, архимандрит не забывал и о внутренней жизни обители. Прежде всего, настоятель позаботился о том, чтобы братия ни в чем не испытывала нужды. Для монахов были устроены прекрасные кельи, хороший стол, и созданы все условия, необходимые для монастырского быта.

В монастыре была введена абсолютная чистота, поддерживавшаяся и следующими настоятелями. От братии же требовалось точное и усердное исполнение монастырского устава и всех послушаний. Через некоторое время все недостатки в жизни братии были устранены.

Улучшение материального положения обители и увеличение числа братии позволило архимандриту Игнатию хлопотать об изменении статуса обители и об официальном увеличении штата обители. Святейший Синод, на усмотрение которого представлено было это дело, 23 мая 1836 года постановил следующее определение: «Принимая в рассуждение, что Сергиева пустыня, находясь близ столицы, посещается многими богомольцами, что в ней при управлении нынешнего настоятеля нравственное состояние братии, благочестие и порядок между ними и в самом церковном служении ощутительно улучшаются, и что монашествующие ее нередко командуются во флот для морских кампаний, Святейший Синод нашел справедливым и полезным вместо предполагаемого епархиальным начальством только увеличения в этой пустыне штата иеромонахов шестью человеками, возвести оную из второго в первый класс, с присвоением ей штата людей и со держания общего для монастырей первоклассных и тем доставив пустыне способ приуготовлять большее число хороших монашествующих, поддержать достоинство ее во мнении народа, для богомоления туда стекающегося».

После изменения статуса обители архимандрит Игнатий открыл в Сергиевой пустыни школу для мальчиков из семей штатных военнослужащих и окрестных поселян.

Постепенно обитель благоукрашалась. Был заново перестроен Троицкий собор, в нем были устроены приделы во имя святых апостолов Петра и Павла и в честь Усекновения главы св. Иоанна. На средства князя М. В. Кочубея, над могилой его супруги Марии Ивановны, урожденной Барятинской, была построена каменная церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Проект этого храма составлен архитектором Тибленом в норманнском стиле, а строили архитекторы Р.И. Кузьмин и Боссе. Также в Сергиевой пустыни была построена церковь во имя св. Григория Богослова, под церковью преподобного Сергия был устроен придел, в честь происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, а в нижнем этаже Сергиевской церкви был вновь построен храм во имя Всемиловитого Спаса.

Внешнее величие и внутреннее изящество возобновленных и вновь построенных храмов дали архимандриту Игнатию возможность привести богослужение и церковное пение в образцовое состояние. Помощь в этом деле оказал протоиерей Петр Турчанинов, проживавший одно время в соседней Стрельне. По просьбе архимандрита Игнатия, он обучил церковному пению сформированный настоятелем монастырский хор и с этой целью написал для него несколько лучших своих музыкальных произведений. Строгое уставное богослужение и прекрасное пение привлекали в Сергиеву пустынь многочисленных богомольцев.

«Таким образом, в течение 23-х летнего управления пустынь архимандрита Игнатия Брянчанинова, благодаря его неусыпным трудам обитель приведена была в такое состояние, что сделалась предметом религиозного утешения для православных русских и удивления для иностранцев, которые во множестве стали приезжать для того, чтобы посмотреть на нее».

27 октября 1857 года архимандрит Игнатий был рукоположен во епископа Кавказского и Черноморского. Его преемником в управлении Сергиевой пустыни стал его ученик архимандрит Игнатий (Мальшев). Братия Троице-Сергиевой пустыни была искренне рада этому назначению, потому что дело, начатое прежним настоятелем, не погибнет, но найдет поддержку в лице его ученика. В этом они не ошиблись. Архимандрит Игнатий (Мальшев) оказался достойным учеником своего учителя и духовного отца.

Архимандрит Игнатий (в миру Иван Васильевич Мальшев) родился 24 марта 1811 года в деревне Шишкине, Ярославской губернии. В двенадцать лет был привезен в Петербург и пристроен на работу к купцу Лесникову. Уже тогда он стремился к монашеству. Вот как вспоминал он впоследствии: «В эти три года настолько созрело во мне желание удалиться от мира, что только и помышлял о монастыре. Бывало, по обязанности ходишь по широким улицам Петербурга, идешь как в густом лесу и смотришь на небо; но каждый раз зайдешь в Казанский собор, который находился на пути моей деятельности, и там насладишься сладкою пищею. Также часто посещал я и Преображенский собор или храм св. Пантелеимона. Рано утром отправлялся я за провизией в пустой рынок и никогда не проходил мимо храма Господня. С кулечком стоишь, бывало, у утрени сзади, с нищими».

Около 1834 года Иван Мальшев познакомился с архимандритом Игнатием (Брянчаниновым) и сразу же стал его келейником. Вместе они приехали в Троице-Сергиеву пустынь. Заметив, что послушник Иван Мальшев хорошо рисует, святитель Игнатий благословил его учиться в Академии художеств. Впоследствии он с радостью вспоминал время, проведенное «между знаменитыми профессорами того времени». Закончив курс обучения в Академии художеств, послушник-живописец стал писать иконы для своего монастыря.

В 1842 году Иван Мальшев был пострижен с именем Игнатия. 1 апреля 1844 года он был рукоположен в сан иеродиакона, а 2 апреля – во иеромонаха.

О. Игнатий (Мальшев), видя труды настоятеля, старался помочь ему. Когда стали перестраивать храм преподобного Сергия, то сказался большой недостаток в камне. Желая помочь настоятелю, о. Игнатий ежедневно уходил в лес на поиски гранита. Тогда еще не бывало случая, чтобы вблизи был обнаружен гранит. Обычно строительный материал привозился из северных местностей. Но о. Игнатий упорно продолжал поиски камня. Господь благословил труды настойчивого искателя, и в один из ноябрьских дней камень был обнаружен. «Немедленно приступили к раскопке и нашли огромного размера камень, в роде яшмы, которого хватило на все колонны, и с этих пор недостатка в граните не было, и его хватило на все последующие постройки».

15 апреля 1857 года о. Игнатий был назначен наместником Троице-Сергиевой пустыни. Став настоятелем после архиерейской хиротонии своего предшественника, архимандрит Игнатий (Мальшев) и в духовном, и в деятельном отношении продолжил дело святителя Игнатия (Брянчанинова). Он управлял Троице-Сергиевой пустынь около сорока лет.

Архимандрит Игнатий (Мальшев) умел правильно разрешать вопросы управления братией. Держал себя просто и с любовью, принимая всех во всякое время. Недостатки братьев старался исправить незаметно для других. Бывали случаи, когда иеромонахи приходили к нему разрешать вопрос: кому совершать службу? Архимандрит говорил, что он сам начнет, если больше никому. Видя смирение, кротость, терпение и простоту настоятеля, монахи полюбили своего старца и старались не огорчать его.

Одновременно с духовным процветанием, монастырь продолжал развиваться и внешне. В июле 1859 года состоялась закладка большого каменного корпуса на 40 келий с церковью. О строительстве такого келейного корпуса хлопотал еще святитель Игнатий (Брянчанинов). Корпус строился на средства Михаила Васильевича Шишмарева, пожертвовавшего более 40 000 рублей.

При нем была завершена архитектором А.М. Горностаевым перестройка храма преподобного Сергия Радонежского, освящение которого состоялось 20 сентября 1859 года. Храм освящал митрополит Григорий. Андрей Николаевич Муравьев в 1861 году пожертвовал для этого храма «малый крест» с частицей мощей преподобного Сергия.

В 1862 году было закончено строительство братского корпуса с надвратной церковью во имя Саввы Стратилата. Через год была освящена новая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. В 1864 году около алтаря Троицкого собора была устроена часовня над гробом основателя пустыни архимандрита Варлаама. В часовне была помещена чтимая Тихвинская икона Божией Матери.

В 1869 году на средства княгини Ширинской-Шихматовой в Троице-Сергиевой пустыни была открыта больница. Сначала в больнице лечилось по 6 человек, а затем число больничных коек было увеличено. Из окружных поселений крестьяне обращались в монастырскую больницу и пользовались амбулаторным лечением. Одновременно в пустыни действовал и инвалидный дом, в котором содержалось 30 инвалидов. Инвалидный дом также находился в ведении монастыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.